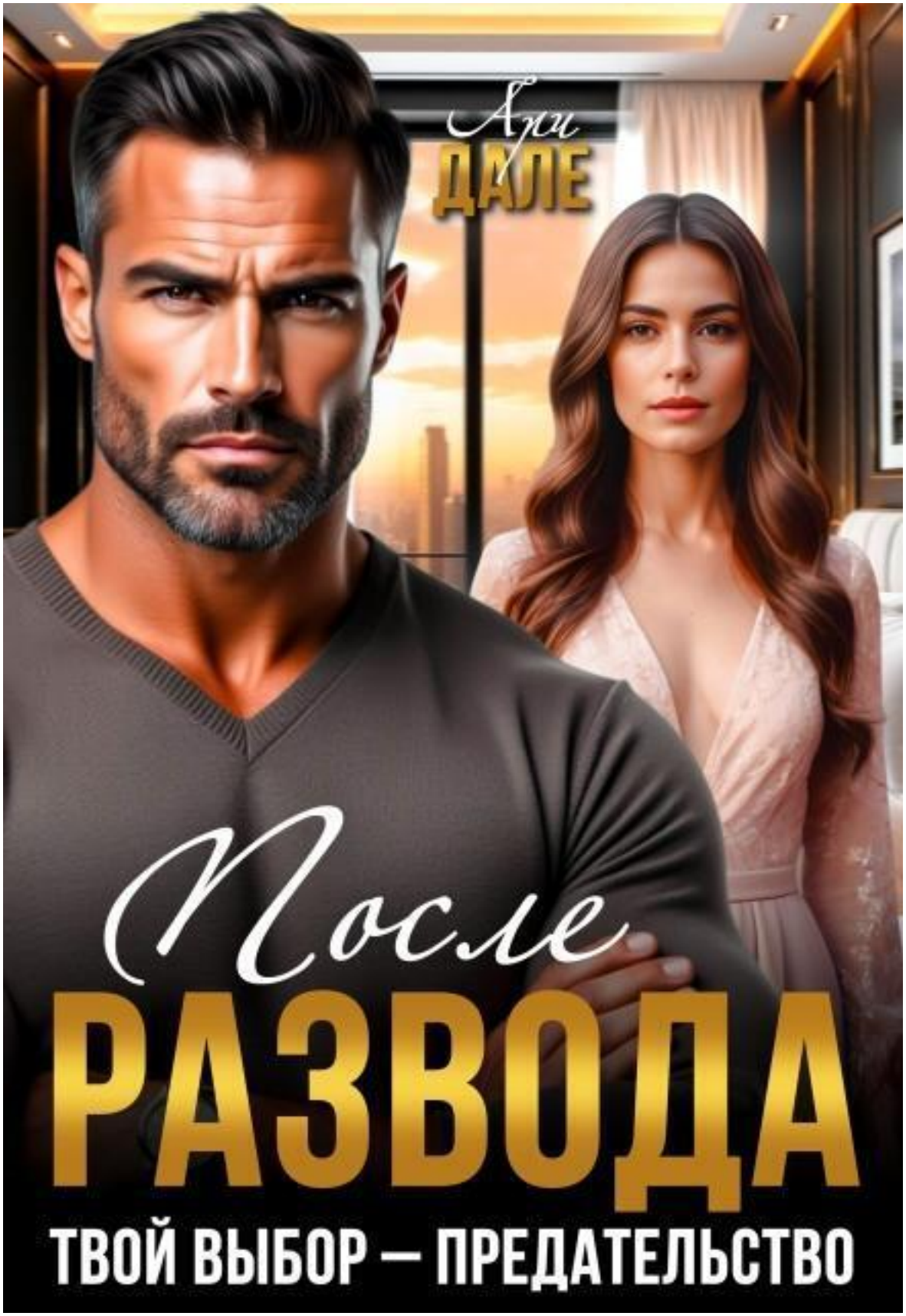

Ари
ДАЛЕ
После
РАЗВОДА
ТВОЙ ВЫБОР – ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Ари Дале

После развода. Твой выбор — предательство

«Литнет»
2026

Дале А.

После развода. Твой выбор — предательство / А. Дале — «Литнет», 2026

— Ты спишь с любовницей своего брата, который, на секундочку, тоже женат? — не могу поверить в это— И что? — как ни в чем не бывало заявляет Марат. — Нам всегда нравились одни и те же женщины. Жениться на одной невозможно, но в любовницах иметь одну... вполне.Я открываю рот и тут же закрываю его, и так несколько раз, пока не выдавливаю из себя:— Но... но... но ты же прокурор. Для тебя такое поведение неприемлемо! А как же наша семья? Дети?— А ты что-то имеешь против нашей семьи? По моему, она идеальна, мне подходит, — муж подходит ко мне, проводит костяшками пальцев по моей щеке. — А что касается моего поведения — никто же ни о чем не знает... и не узнает! Поняла меня? Для всех я приличный семьянин, с красавицей женой и двумя маленькими детками. То, что происходит за закрытыми дверьми моего кабинета — никого не должно волновать. И тебя тоже, моя любимая жена, — щелкает меня по носу.Неужели Марат думал, что я закрою глаза на его похождения?Мало того, что я ушла. Так еще сделала эта с таким размахом, что о нашем скандальном разводе кто только не судачил!Вот только и пары лет не прошло, как мой уже бывший муж появился в моей жизни снова. И не один, а вместе с братом-близнецом, который примерно в тоже время развелся .— Ты выйдешь замуж за моего брата и это не обсуждается, — выдает Марат с порога. — Твоя мечта быть единственной любимой женщиной наконец исполнится.❗#Внимание: Ругать героев можно. Автора нельзя)))НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ ❤#История выходит в рамках литмоба "Измена — дело семейное"

© Дале А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 3.1 12
Глава 4 15
Глава 5 17
Глава 6 19
Глава 7 23
Глава 8 27
Глава 9 29
Глава 10 34
Глава 11 36
Глава 12 38
Глава 13 40
Глава 14 42
Глава 15 44
Глава 16 46
Глава 17 48
Глава 18 50
Глава 19 52
Глава 20 57
Глава 21 59
Глава 22 61
Глава 23 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Глава 1

— Ты спишь с любовницей своего брата? — кладу перед мужем телефон с фотографиями, которые пришли мне с незнакомого номера. При этом говорю спокойно, настолько спокойно, что сама этому удивляюсь. Если несколько секунд у меня тряслись руки, пока я смотрела на экран, то сейчас, такое чувство, будто у меня внутри что-то умерло. Даже сердцебиение выровнялось, а дыхание стало размеренным.

— Откуда у тебя это? — Марат, который до этого спокойно пил кофе, съев завтрак, который я для нас приготовила, отставляет кружку в сторону и смотрит на экран моего телефона, где он… он… он… с другой женщиной. На снимке вроде бы ничего такого не происходит: другая женщина… брюнетка, худая и длинноволосая, просто сидит у моего мужа на коленях, — но для меня это уже ничего себе! Да и зацепилась я не за то, что брюнетка использует моего мужа в качестве стула, а за его руку, которая прячется под ее юбкой. Не знаю, достигла ли она своей «цели», но точно могу сказать, что Марат никогда бы не дотрагивался до другой женщины настолько интимно, если бы между ними ничего не было бы.

Вторую фотографию Марат еще не видел, но там изображен его брат-близнец с той же жгучей брюнеткой, только там фото по-откровеннее.

Единственное, что мне помогло понять то, что на втором снимке изображен не мой муж — это татуировка на груди мужчины. У Марата ее нет — профессия не позволяет, поэтому муж давно ее свел, а вот у Глеба она осталась.

На мгновение зажмуриваюсь, пытаясь избавиться от картинки, которая буквально въелась в мою подкорку. Не хочу «видеть» эти фотографии, всеми силами «стираю» их, сжимая веки так, что больно становится, но они если и пропадают на мгновение, то только для того, чтобы вспыхнуть вновь и стать более яркими.

— Твой брат, на секундочку, женат… Как и ты, — бормочу, полностью игнорируя вопрос мужа, о чем моментально жалею.

Не вижу, как Марат резко подскакивает со своего места и оказывается передо мной, слышу только скрип стула и жуткий грохот. Распахиваю веки в тот самый момент, когда муж хватает меня за плечи и требует ответа:

— Я спросил: откуда у тебя это?

Лицо Марата оказывается так близко к моему, что я чувствую его горячее дыхание на своем лбу и прекрасно вижу, как черты мужа заострились, а и без того черные глаза, стали еще более глубокими, напоминающими бездну, в которой можно утонуть.

Единственное, что дает понять мне о том, что передо мной не демон — это прокурорская форма мужа и его до боли знакомое лицо. Марат действительно хорош собой с волевыми чертами, прямым носом и губами, которые я всегда любила целовать. А в форме он выглядит вообще неотразимо. Щетину, которая образовалась за выходные, муж сбрил этим утром, о чем я чуть раньше жалела, потому что мне так нравилось дотрагиваться до этих «иголочек», в которых уже проскользнула седина, что неудивительно, ведь Марату, как и его брату-близнецу, уже за сорок. Да и судьба у них была непростая. Они рано потеряли родителей. Сначала мальчишек воспитывали пожилые бабушка с дедушкой, но и их довольно быстро забрал Бог. Братьям было всего пять, когда они попали в детский дом. И только благодаря поддержке друг друга там не только выжили, но и выросли достойными членами общества.

По крайней мере, я так думала до того момента, пока не получила это сообщение.

— Прислали, — кое-как выдавливаю из себя, когда понимаю, что Марат не собирается от меня отставать.

Он сжимает мои плечи так, что без сомнений на месте его пальцев останутся следы. Хорошо хоть боли не чувствую, кожа просто онемела под давлением. Иначе, не уверена, что

стена, которая прямо сейчас отделяет мои эмоции от реальности, выдержала бы. А так… я по крайней мере, могу не чувствовать. Совсем. Складывается впечатление, что в груди появилась черная дыра, которая затягивает в себя мои эмоции, не давая мне сорваться в истерику.

Это радует, потому что как только я получила сообщение от «доброжелателя», дышать толком не могла, слезы застлали глаза, а меня саму начало прилично так потряхивать.

Но в какой-то момент во мне словно что-то оборвалось… будто выключатель перещелкнулся, и у меня получилось вздохнуть полной грудью. А уже в следующий момент я направилась обратно на кухню, где до прихода злосчастного сообщения, звук от которого я услышала, пока завтракала с мужем, — сидела перед ним, полностью готовым, в шелковой бежевой пижаме и с каштановыми волосами перехваченными крабиком.

— Кто? — продолжает давить на меня Марат.

— Понятия не имею, — пожимаю плечами. — Номер неизвестный, и отправитель подписался, как «доброжелатель».

Боже, откуда у меня столько самообладания? Не представляю. Похоже, мозг действительно решил меня защитить, поэтому выключил мои эмоции напрочь.

Муж же в свою очередь сужает глаза, словно пытается понять, говорю ли я правду, а в следующий момент вовсе отпускает меня и поворачивается обратно к столу, на котором остался телефон. Пока Марат подхватывает мой гаджет и что-то делает в нем, от тех мест, где муж недавно держал меня, по плечам начинает распространяться жар, а после вовсе переходит на остальное тело.

А я… я словно оживаю.

Эмоции, которые были скрыты за семью замками, начинают возвращаться ко мне. Сердцебиение разгоняется до невероятной скорости. Во рту пересыхает. Пытаюсь нормально сглотнуть, но у меня не получается.

«Посмотри, за кого ты замуж вышла. Доброжелатель», — перед глазами всплывает сообщение, которое я получила вместе с фотографиями.

Муж сейчас, скорее всего, на них смотрит, либо же сообщение читает, а уже в следующий момент достает свой телефон из кармана и не глядя набирает номер. Пару гудков, и я снова слышу его голос, строгий, не терпящий возражений:

— Пробей номер, — после чего звучит ничего не значащий для меня поток цифр. — Какой, к черту, официальный запрос? Это приказ. Все последствия беру на себя, — отчеканивает и сбрасывает вызов.

А уже через мгновение бросает оба гаджета на стол и снова разворачивается ко мне.

— Не думал, что у меня такая мудрая жена, что даже истерики катать мне не будет, из-за того, что у меня появилась любовница. Горжусь тобой, Геля. Так держать, — заявляет, снисходительно глядя мне в глаза.

Не знаю, что окончательно разбивает стену, которая заставляла меня находиться в апатии, но в какой-то момент у меня внутри словно перещелкивает, и уже в следующий момент я выплевываю:

— Подонок.

Замахиваюсь.

Миг, и жар опаляет мою ладонь.

Глава 2

Я ожидала, какой угодно реакции на свой поступок… хотя вру, ничего я не ожидала. Но тот факт, что, после того, как я залепляю мужу пощечину, его ухмылка станет только шире, становится для меня неожиданностью, которая выбивает из колеи.

Либо же, возможно, Марат просто дурачит меня, усыпляет мою бдительность, потому что уже в следующий момент припечатывает меня к кухонному гарнитуру своим телом, а мои руки оказываются за моей же спиной в оковах из его пальцев.

У меня уходит всего секунда на то, чтобы понять, в насколько уязвимом положении я нахожусь. И то, что Марат прижимается ко мне, а я невольно чувствую не только жар его тела, но и кое-что еще… кое-что твердое в районе своего живота, заставляет меня поймать панику.

— Отпусти меня, — шепчу, а следом начинаю вырываться. — Пусти, пусти, пусти, — брыкаюсь изо всех сил, когда понимаю, что муж не собирается выполнять мою просьбу. — Да, пусти, кому я сказала? — выплевываю, глядя Марату в глаза, когда понимаю, что эта гора мышц не обращает никакого внимания на мои попытки вырваться из его плена.

— Отпустить? — выгибает бровь муж. — А как же расплата?

— Какая еще расплата? — теряюсь, наверное, поэтому обмякаю в руках Марата.

— Расплата за то, что ударила меня, — произносит он небрежно, а я невольно перевожу взгляд на его щеку, на которой остался отпечаток моей ладони. Мой след. Да и ладонь прилично так жжет. Хорошо же я ему все-таки заехала. Гордость за себя гасит панику.

— Ты заслужил, — хмыкаю, стараясь смотреть на мужа как на ничтожество. Не уверена, что получается.

Но меня это не особо волнует, тем более, через мгновение Марат вдруг заявляет:

— Ты права.

Все мысли напрочь покидают мою голову, а злость отходит на второй план, уступая место удивлению. Зато муж как ни в чем не бывало продолжает:

— На этот раз я действительно заслужил. Но учти, еще раз поднимешь на меня руку, дорогая жена, поплатишься. И тебе не понравится, каким образом, — в его голосе звучит самое настоящее предупреждение, которое посылает по моему позвоночнику волну ледяных мурашек.

Вздрагиваю, что не может укрыться от Марата, который все еще прижимается ко мне всем телом. Благо, похоже, совершать нечто из ряда вон выходящее не собирается, из-за чего у меня прибавляется уверенности, и я спрашиваю:

— Ты отпустишь меня?

Муж несколько секунд просто смотрит на меня: явно, оценивает мое состояние. Неужели боится, что я снова могу броситься на него с кулаками? А я могу…

Не знаю, что Марат видит на моем лице, но, похоже, у меня получается его обмануть, потому что он все-таки ослабляет хватку и даже делает шаг назад.

Я же, оказавшись без поддержки в виде тела мужа, тут же хватаюсь за край столешницы, потому что понимаю, что ноги меня совсем не держат. Даю себе несколько секунд на то, чтобы прийти в себя, а в следующий момент снова поднимаю голову и смотрю на человека, которого любила всем сердцем:

— Как ты мог? Как вы, — намеренно выделяю голосом последнее слово, — могли?

Господи, у меня в голове не укладывается, что у моего мужа есть любовница, а еще хуже то, что это одна и та же любовница, что и у его брата. Ох, блин. А что если Аня, жена Глеба, получила сегодня утром такое же сообщение? Не представляю, в каком состоянии она находится. Хотя нет, представляю. Скорее всего, она чувствует себя примерно так же, как и я —

исполосованной самым острым кинжалом на свете, да еще и наживую. Больно так, что едва получается дышать.

— А что такого? — Марат не отрицает факт измены… не отрицает. — Нам с Глебом всегда нравились одни и те же женщины. Жениться на одной невозможно, но в любовницах иметь одну... вполне.

Я открываю рот и тут же закрываю его, и делаю так несколько раз, пока не выдавливаю из себя:

— Но... но... но ты же прокурор. Для тебя такое поведение неприемлемо! И вообще, как же наша семья? Дети? — осознание ужаса ситуации, в которой я нахожусь, только усугубляет мое состояние. Грудь словно жгутом сдавливает, а глаза щиплет так, что кажется еще немного и я разрыдаюсь на глазах у предателя.

Марат, похоже, даже виноватым себя не чувствует, он смотрит на меня все тем же снисходительным взглядом, который совсем недавно сорвал мои оковы боли.

— А ты что-то имеешь против нашей семьи? По-моему, она идеальна, мне подходит, — муж вновь сокращает разделяющее нас расстояние, останавливается в полушаге от меня, проводит костяшками пальцев по моей щеке. Одергиваю голову. Зря. Потому что Марат хватает меня за подбородок и заставляет смотреть ему в глаза, когда произносит: — А что касается моего поведения — никто же ни о чем не знает... и не узнает! — делает акцент на последнем слове. — Поняла меня? Для всех я приличный семьянин, с красавицей женой и двумя маленькими детками. То, что происходит за закрытыми дверьми моего кабинета — никого не должно волновать. И тебя тоже, моя любимая жена, — щелкает меня по носу.

Я задыхаюсь от возмущения.

— Неужели ты думаешь, что я закрою глаза на твои похождения?

— А разве нет? — хмыкает муж. — Ты же любишь меня. Да и давай честно: не проживешь без меня. На зарплату учительницы долго не протянешь. Не говоря уже о том, что ты хорошая мать, вряд ли захочешь травмировать наших детей, которые верят в то, что мама с папой… счастливы в браке. Неужели ты попытаешься лишить их полной семьи из-за своего эгоизма и моей небольшой шалости?

Глава 3

Дети…

Как я могла забыть о детях? Их пора будить в школу и везти в школу, а я тут отношения с мужем выясняю.

Вот только сдвинуться с места у меня не получается, как бы я внутренне себя ни заставляла.

Как подумаю, что мне придется объясняться с детьми, рассказать им, почему ухожу от их отца, мне аж плохо становится.

Да, наши с Маратом дети уже довольно взрослые. Старшему мальчику, Леше, уже пятнадцать, а Настеньке — тринадцать. Вот только они подростки, и их эмоциями управляют гормоны. А тут такие новости. Даже страшно представить, какой может быть их реакция на наш разрыв с отцом.

Марат знает, на что давить… знает все мои больные места. Вот только поддаваться на его провокацию я не собираюсь. Резко ныряю в сторону — создаю иллюзию контроля, отходя от мужа на несколько шагов, а только после этого заявляю:

— Не переживай, я как-нибудь выживу без тебя. Алименты, например, еще никто не отменял.

Черт, похоже, лучше бы я держала язык за зубами, потому что прямо в моменте лицо мужа из равнодушного меняется на яростное, а в следующий момент Марат делает рывок ко мне.

Вот только и я оказываюсь не промах, тут же разворачиваюсь и выбегаю из кухни в коридор. Несусь на всех парах, не знаю куда, просто понимаю, что за мной гонится настоящий хищник. Слышу и его тяжелые шаги, и яростное дыхание, а также окрик:

— Геля, стоять!

Ага, как будто я дура!

Ускоряюсь и сама не замечаю, как залетаю в ванную — в ту самую комнату, где лежал мой телефон, когда пришло злосчастное сообщение.

Вот только сейчас мне на это максимально плевать, я хватаюсь за дверь и… захлопываю ее прямо перед носом мужа. Едва успеваю повернуть вертушку на замке до того, как Марат дергает ручку. А потом еще раз. И еще.

Видимо, муж понимает, что я заперлась изнутри, поэтому на мгновение замирает, а в следующее — ударяет по деревянному полотну ладонью и рявкает:

— Открой!

— Нет.

— Открывай, кому сказал!

— Нет! — на всякий случай отхожу на шаг.

— Открывай, или я выломаю дверь, — истинная угроза звучит в голосе мужа.

У меня желудок сжимается, но я все равно стою на своем:

— Ну попробуй, — не знаю, зачем провоцирую Марата, знаю же, что он любит принимать вызовы.

И этот раз не становится исключением. Миг, и раздается такой жуткий грохот, из-за чего я на месте подпрыгиваю. Деревянное полотно остается целым. Но что-то мне подсказывает, ненадолго.

А еще дети! Марат же детей разбудит.

— Не надо, — кричу я, подлетая к двери, когда слышу несколько тяжелых шагов и представляю, что муж набирает разбег.

— Тогда открывай, — парирует он.

А я… я не могу этого сделать, потому что боюсь… и не только того, что может сделать со мной муж, а еще и того, что он увидит, насколько я на самом деле слабая. Злость, которая поддерживала во мне силы, испаряется. Остается только боль от предательства. Слезы уже вовсю текут по моим щекам, пальцы, лежащие на деревянном полотне, подрагивают. Колени тоже подгибаются, и я полностью переношу вес на дверь, чтобы устоять на ногах.

Мне нужна передышка, небольшой перерыв, чтобы взять себя в руки, вот только муж не собирается его мне предоставлять, рыча:

— Ты собираешься дверь открывать или…

— Почему? — перебиваю его, прекрасно слыша, что слезы прорываются в слова и голос садится. Но я все равно повторяю вопрос, даже несмотря на то, что говорю в нос: — Почему ты мне изменил?

Я и не ждала моментального ответа, но не ожидала, что молчание затянется надолго. Мне кажется, проходит вечность, прежде чем Марат все-таки отвечает:

— Потому что мог.

Глава 3.1

Познакомимся с героями?
Архипов Марат Юрьевич, 41 год — прокурор

Архипова Ангелина Павловна, 37 лет — учительница иностранных языков

Девочки, ну что моя новинка стартовала, как она вам? Пишите в комментариях и не забывайте ставить *“мне нравится”*.

Кстати, а кого из героев вы еще хотели бы увидеть? Чью визуализацию сделать?

И да, эта история стартует в рамках литмоба “Измена — дело семейное” https://litnet.com/shrt/Q5os

Постепенно будут выходить истории, в которых в семьях ни один изменщик, а несколько. Обязательно ждите!

С любовью, Ари Дале

Глава 4

«Потому что мог», — это настолько циничный ответ, что я даже теряюсь на какое-то время и не знаю, что сказать. Просто стою, прижавшись к двери, которую в любой момент Марат может снести вместе со мной, и пытаюсь осознать, что теперь живу в новой суровой реальности.

Мне трудно… очень трудно признать, что за довольно хлипким препятствием находится мужчина, которому много лет назад я вверила хранение своего сердца и который так жестоко его сегодня раздавил.

Неудивительно, что у меня в груди теперь дыра, а на месте сердца — кровоточащая рана. Мне больно… очень больно. Не знаю, почему я еще не расплакалась, ведь глаза жжет так, что кажется, в любую секунду, пропадет зрение. Может быть, эмоции просто копятся внутри, чтобы в какой-то момент — скорее всего, в самый неподходящий, — вырваться наружу и вызвать взрыв такой силой, что снесет всех, кто окажется рядом?

Но, если честно, мне на это плевать… плевать, кто может пострадать. И, возможно, я мазохистка, потому что вместо того, чтобы просто перевести тему или отсидеться, как мышка, решаю добить себя, шепотом спрашивая:

— Тебе меня не хватало?

На той стороне воцаряется тишина, и она длится так долго, что мне даже кажется, что Марат не услышал мой вопрос. Задумываюсь о том, стоит ли его повторить или нет, но решение принять не успеваю, ведь муж вдруг снисходительно заявляет:

— Геля, мы с тобой уже больше пятнадцати лет вместе. Неужели ты такая наивная и правда верила в то, что такой мужчина, как я, будет наслаждаться одной и той же женщиной годами? — Мне кажется, или удивление проскальзывает в его голосе? — Да и вообще, давай будем реалистами: после пятнадцати лет брак сам себя изживает, и даже любящие до безумия друг друга люди за такой большой срок становятся чужими людьми. Что уж говорить про нас?

Я не думала, что мне может стать больнее, но Марат справляется и со столь недостижимой задачей. Муж давит в самое уязвимое мое место — на то, что я никогда не слышала от него слов любви. Я уверила себя, что они мне не нужны, ведь Марат доказывал свое отношение ко мне действиями. Он заботился обо мне. Если я что-то просила, всегда давал это мне. А если я болела, то был рядом. Даже когда я однажды загремела в больницу, и мне нужно было проводить серьезную операцию, Марат сидел рядом, держал меня за руку и уверял, что все пройдет хорошо. Только благодаря его вере и поддержке, я в тот период не чокнулась со страха. Только благодаря ему справилась со всем, что преподнесла мне судьба.

Поступки мужа были красноречивее слов, поэтому я не настаивала на признаниях, хотя мне их очень не хватало. Вот только… похоже, я ошибалась. Похоже, действия Марата ничего не значили и ничего не стоили, а я попросту не знала человека, рядом с которым жила годами.

Но даже если муж меня не любил, хоть какое-то уважение ко мне у него должно же было быть. Ведь я пятнадцать лет отдала этому мужчине и нашему браку. Пятнадцать лет была рядом, пока он пытался выбраться из грязи в князи. А так выходит, что, когда муж забрался на вершину, решил сбросить меня в пропасть? Я все правильно поняла?

— То есть, тот факт, что я была рядом с тобой на протяжении всех этих пятнадцати лет, поддерживала тебя, двоих детей тебе родила, избавила тебя ото всех бытовых проблем, позволяла не думать о мелочах, пока ты днями и ночами пропадал на работе, тебя совсем не волнует? — решаю уточнить, просто на всякий случай.

Мне нужно, чтобы Марат сказал мне правду. Нужно сделать себе максимально больно, чтобы разорвать нашу связь. Нужно наконец поверить в то, что мой муж последний подонок, чтобы избавиться от привязанности к нему и веры в него раз и навсегда.

И Марат дает мне желаемое, совершенно серьезно заявляя:

— Почему не волнует? Волнует. Я тебе благодарен за все. Но ты же должна понимать, что мужчины не такие, как вы, женщины. Моногамия нам не свойственна по природе, как и розовые сопли. Я и мой брат — это отлично подтверждаем. Но ты не волнуйся, бросать тебя я не собираюсь. Ты меня как жена устраиваешь по всем параметрам. Да и дети у нас с тобой хорошенькие получились, — хмыкает, — а им нужны оба родителя, нужна полноценная семья. Ты же не собираешься их этого лишать? Не собираешься, разбивать им жизнь и ломать судьбу, как однажды сделали мои с Глебом родители?

Отшатываюсь от двери, смотрю на деревянное полотно так, словно через него могу увидеть явно рехнувшегося мужа.

— Ваши родители умерли, — бормочу, не в силах поверить, что Марат может сравнивать эти ситуации.

Похоже, может, раз выдает:

— Это одно и то же. Они нас бросили, и мы остались одни во всем мире. Думаешь, развод родителей не повлияет на наших детей примерно так же? Думаешь, они променяли бы полноценную семью на ее… огрызок? Думаешь, не нанесешь им травму, если скажешь, что уходишь от меня? Хочешь, разбудим их и спросим, какого им будет, остаться без одного родителя постоянно присутствующего в их жизни? Давай узнаем мнение наших детей по поводу развода?

«Логика» мужа так сильно выбивает меня из колеи, что я не сразу нахожу, что ответить, а уже через мгновение жалею о мимолетной задержке, когда слышу приглушенный, заспанный и явно полный страха голос дочери:

— Папа? Я все правильно расслышала? Вы с мамой разводитесь?

Черт. Черт. Черт. Только Насти сейчас не хватало.

Но прежде чем я успеваю придумать, что сделать, муж берет роль палача на себя, заявляя:

— Ты все правильно расслышала, твоя мать меня выгоняет.

Глава 5

— Что? — До меня доносится срывающийся крик дочери.

Настя явно не ожидала услышать ничего подробного. Ее размеренный, идеальный мир только что рухнул. Да и мой превратился в щепки.

Если бы дверь не была закрыта, мой муж лицезрел бы мое изумленное выражение лица. Я настолько в шоке от происходящего, что даже слово вымолвить не могу, не говоря уже о том, чтобы пошевелиться, открыть дверь и заехать Марату очередную пощечину. Нет, так нагло лгать — это еще надо уметь. Не сомневаюсь: у него сейчас очень-очень честные глаза, а еще вид побитого щенка. Ладно, с последним я преувеличиваю. Но тот факт, что дочка в данный момент максимально растеряна, не оспорим. Вот только сделать с этим мне ничего не удается, потому что муж берет инициативу в свои руки.

— Да, представляешь, твоя мать сошла с ума.

— Но что…? Как…? Почему…? — выдыхает дочь, не в силах даже вопроса сформулировать.

Я представляю ее нежное личико, миловидное, искаженное смесью боли и тревоги, и внутри у меня все сжимается. Ради дочери начинаю более-менее двигаться.

Стоит мне схватиться за вертушку, слышу:

— Пошли на кухню, я тебе все объясню. А если твоя мать соизволит выйти из своего убежища и наконец посмотреть не только мне в глаза, чего она очень сильно боится, но и правде в лицо, мы поговорим втроем. Возможно, сможем с тобой ее вразумить.

Не успеваю толком ничего предпринять, как раздаются две пары шагов, удаляющихся от двери. Замираю на мгновение, а в следующее — начинаю судорожно двигаться. Трясущимися руками поворачиваю вертушку, отпирая дверь, распахиваю ее и вылетаю из ванной комнаты на всех парах. В рекордные сроки добегаю до кухни, откуда доносятся приглушенные голоса, и влетаю в комнату.

— Это я сошла с ума, не ты? — выкрикиваю с порога, задыхаясь от быстрого бега и от ярости. — Какого хрена ты творишь, Марат? Зачем ты детей втягиваешь в наши с тобой разборки?

Сжимаю-разжимаю кулаки, часто порывисто дышу и смотрю на мужа исподлобья, при этом сжимаю челюсти чуть ли не до скрипа зубов. Скорее всего, выгляжу как настоящая ведьма, готовая ринуться в бой. Жалко, что магическими способностями не обладаю, иначе уже подпалила бы «мягкое место» Марата, чтобы тот почувствовал хотя бы долю из того, что испытываю я. Но нет, муж спокойно сидит за столом напротив максимально растерянной дочери. Настя одета лишь в пижаму: шортики и маечку, на которой изображены красные маки. Ее каштановые волосы растрепаны. Глаза широко распахнуты, и в них стоят слезы. Нижняя губа дочери трясется. Это каким же подонком нужно быть, чтобы довести собственного ребенка до такого состояния?

Во мне вспыхивает такая жгучая ярость, что я натурально собираюсь наброситься на своего дорогого муженька. Делаю шаг вперед, чувствуя, как адреналин толкает меня в спину. Вот только в следующее мгновение весь мой запал сходит на нет, потому что взгляд дочери меняется. Становится злым. И эта злость направляется на меня.

Настя вскидывает подбородок, смотрит на меня снизу вверх, а в ее глазах больше не светится растерянность, что была в них минуту назад. Только холодная решимость и обида. Дочка переводит взгляд на отца, который сидит с непроницаемым лицом. Я же замечаю, как ее рука, которой она опирается о стол, дрожит. Но не проходит много времени, прежде чем Настя обращает свой взор на меня, выпрямляет спину, сжимает маленькие кулачки и выдает:

— Мама, учти, если ты выгонишь папу, я уйду с ним.

Такого удара я не ожидала. Он настолько выбивает меня из равновесия, что я перестаю контролировать себя. В голове звенит пустота, сердце пропускает удар, а потом начинает биться где-то в горле, отдаваясь пульсом в висках. Слова дочери — не просто удар. Это предательство, которое ранит сильнее, чем измена мужа. От собственного ребенка отчуждения я никак не ожидала. Я же ее растила, оберегала. Отдавала ей с Лешей всю себя без остатка.

— Твой отец мне изменяет! — выкрикиваю я, не подумав, при этом голос срывается на хрип.

Но я не жалею. Не жалею, что выдала этого козла с потрохами. Я не позволю ему запудрить мозги нашей дочери. Не позволю выставить меня плохой, а себя хорошим.

Глаза Насти на секунду округляются, зрачки расширяются, словно она пытается переварить эту информацию. Я вижу, как ее губы беззвучно шевелятся, повторяя мои слова. Но уже через мгновение дочка снова становится фурией, готовой перегрызть глотку. Вот только кому и за что, пока не понятно. Настя вскакивает со стула так резко, что тот с грохотом падает на пол. Лицо дочери искажается гримасой боли и злости, кулачки сжимаются до белизны в костяшках.

— И что? — выплевывает она, глядя на меня с такой ненавистью, что я отшатываюсь. — Как будто это повод его выгонять.

***

Девочки, кому *скидочки* в 35% на 3 моих завершенных истории:

После развода. Ты сделал меня второй женой https://litnet.com/shrt/2yWt

После развода. Не возвращайся! https://litnet.com/shrt/SXNp

Предатель. (не) вижу нас вместе https://litnet.com/shrt/ivX6

Обязательно заглядывайте, если не читали!

С любовью, Ари Дале

Глава 6

— И что?! Серьёзно? — мои брови взлетают чуть ли не до небес. — Ты действительно не понимаешь, почему я больше не собираюсь жить с твоим отцом? Или просто издеваешься надо мной? — больше не подбираю слов из-за желания не ранить собственного ребенка.

Чувствую себя так, словно меня то и дело пытаются раздавить, как букашку, которая никому не нужна. Одно дело муж, но дети, которых я родила, которых вырастила, с которыми делала уроки, с которыми проводила множество часов, — очень больно видеть, что они становятся на сторону своего отца. Ладно, сын еще ни о чем не знает, но дочь... То, как она смотрит, ранит меня вдвойне, ранит так сильно, что кажется, на месте сердца появляется зияющая дыра.

— Конечно, я все понимаю, — Настя смотрит на меня снисходительно, так, будто это я неразумный ребенок, а она — умудренная опытом женщина. — И нет, я не прикалываюсь. Ну и что такого, что у отца появилась девушка? Разве она не имеет права влюбиться? — упирает дочка руки в бока, выпячивая подбородок.

— Девушка? Влюбиться? — я чувствую, как внутри закипает новая волна ярости, смешанной с отчаянием. — Серьезно, Настя? У твоего отца вообще-то жена есть!

— Ой, да ладно, мам, — Настя закатывает глаза, и этот жест бьет больнее пощечины. — Ну не будь ты ханжой. Вы уже столько лет женаты. Захотелось папе... — она щелкает пальцами, подбирая слово, при этом переступает с ноги на ногу, — новизны. Ну бывает. Какая разница? Он же все равно к тебе возвращается. Каждый раз. Бросать тебя не собирается. Ты что ли потерпеть не можешь, пока папа нагуляется?

Открываю рот и не могу вымолвить ни слова. Такое чувство, что я попала в какой-то сюрреалистический мир, где понятия нравственность, любовь и верность просто отсутствуют, а дети ненавидят своих родителей. Вот только за что? Я не понимаю. Что я сделала Насте, что та решила надо мной так поиздеваться, даже припомнить не могу?

Мой взгляд, полный боли и неверия, встречается с глазами дочери. И что-то в омутах Насти меняется. Мне кажется, что на мгновение она смущается, отводит взгляд в сторону, кусает губу. А в следующий момент вовсе отталкивается от пола и медленно подходит ко мне, берет меня за руку. Пальцы дочери кажутся очень горячими по сравнению с моими, ледяными и онемевшими.

Настя заглядывает мне в глаза, и в ее взгляде светится столько надежды, что у меня сердце разрывается на части.

— Ну пожалуйста, мам, потерпи, — голос дочери дрожит, становится почти детским, умоляющим. — Какая-то баба на стороне не означает, что папа будет рушить нашу семью. Он же не привел ее в дом и не заделал ей дитечко. Тебе вообще не о чем волноваться! Ты всегда будешь его женой и самой главной женщиной в жизни. А все другие... — она пожимает плечами, сжимая мои пальцы, — пусть идут лесом. Не думай о них. И все.

Настя смотрит на меня с такой надеждой, так крепко сжимает мои похолодевшие пальцы, что мое сердце пропускает удар. И нет, не потому что оно тает и я соглашаюсь с доводами Насти. А потому что я понимаю: за сегодняшнее утро теряю второго родного человека.

Резко вырываю руку из хватки дочери. Отшатываюсь назад, будто ее прикосновение обжигает. Смотрю на Настю сверху вниз и не узнаю. Где моя маленькая девочка, которая плакала у меня на плече из-за разбитой коленки? Где та, что шептала перед сном: «Мамочка, ты самая лучшая»? Где дочурка, что всегда искала утешение в моих объятьях?

— Ты еще мала, чтобы об этом всем судить, — произношу, при этом мой голос звучит жестко, холодно, незнакомо. — Подрастешь — поймешь, что значит, когда мужчина тебя предает. Хотя надеюсь, нет, и не поймешь, — мой голос звучит настолько резко, что я сама удивляюсь.

Вот только Насте явно не нравится, что у нее не получилось мною поманипулировать. Она вспыхивает, щеки заливаются румянцем, глаза сужаются.

— Господи Боже мой! — всплескивает руками дочь. — Что же ты за королевна такая? Другие мамочки терпят и куда худшее ради своих детей! А ты... а ты... а ты... — она задыхается от возмущения, делает шаг ко мне, — ведешь себя как последняя эгоистка, которая решила разрушить всем жизнь из-за своей дурацкой прихоти и никому не нужной гордости! — выплевывает и толкает меня в грудь.

***

Девочки, приглашаю вас в новинку Анны Томченко, которая участвует в нашем мобе "Измена — дело семейное"

— Я все равно тебя не брошу, потому что ты хорошая, — ласково произнес муж.

— Будешь по очереди меня со своей девкой навещать? — вырвалось злое.

— А в твоем возрасте разве можно на целого мужика претендовать? — усмехнувшись произнес муж. — У нас дети выросли, бизнес стабильный, самое время чтобы пожить для себя. Для себя мне нужно много женщин, а не одна замученная мать семейства…

Я закусила губы до боли.

— И вообще, что ты со своим разводом? Мы почти тридцать лет вместе. Не глупи, вот бахнет меня инсульт на молодухе, кто меня досматривать будет?

Мне такой брак не нужен был. И досматривать изменника тоже я не хотела, поэтому ушла. Но через пару месяцев дочь застыла на пороге и шепнула:

— У папы и моего мужа есть кое-что общее — любовница.

ЧИТАТЬ ЗДЕСЬ https://litnet.com/shrt/IWpL

Глава 7

Пошатываюсь. Не потому что слабее Насти, а скорее из-за неожиданности, которой становятся не только толчок дочери, но и слова дочери. Смотрю на собственного ребенка сверху вниз и не понимаю, что творится у нее в голове, из-за чего она так сильно сейчас истерит и пытается мною манипулировать. У нас же была счастливая семья, дети, любящие родители, все как у всех. Как одно утро могло вот так все перевернуть?

— И как я умудрилась вырастить такую эгоистку?

Сама не понимаю, что произношу эти слова вслух, пока Марат не отзывается:

— Это кто из вас еще эгоистка.

Муж поднимается из-за стола, медленно, я бы даже сказала вальяжно, подходит к нам и кладет руку на плечо дочери.

— Разбуди брата, — говорит он ей, кивая в сторону двери. — А мы с твоей мамой пока серьезно пообщаемся. Наедине.

Настя явно не хочет никуда уходить, но ослушаться отца тоже не может. Она переводит взгляд с меня на Марата, кусает губу, и в ее глазах мелькает что-то похожее на сомнение. Но всего на секунду. А в следующую — дочка выпрямляется, смотрит на меня с вызовом и заявляет:

— Мама, я тебя предупреждаю. Если ты разрушишь нашу семью, то умрешь для меня. А я... — она делает паузу, и на ее губах появляется кривая усмешка, — я буду новую девушку отца мамой называть, мы с ней станем лучшими подружками. Надеюсь, ты не рассчитываешь на то, что такой мужчина, как папа, надолго останется холостяком после вашего развода?

Вздрагиваю, будто от пощечины. Слова дочери врезаются в грудь острыми осколками, и я физически чувствую, как что-то внутри меня разрывается, истекает кровью. Настя явно хотела причинить мне невообразимую боль. И у нее получилось.

Бросив на меня еще один полный осуждения взгляд, дочка резко разворачивается и выходит из кухни. Стук ее пяток гулом отдается в коридоре, а потом затихает, сменяясь громким хлопком двери.

Мы с ее отцом остаемся наедине… на дне. Именно так я себя и ощущаю — на самом дне глубокого, черного колодца, из которого не видно выхода.

— Ну что, довольна? — спрашивает Марат, когда вокруг затихает. Муж скрещивает руки на груди, смотрит на меня сверху вниз с каким-то брезгливым превосходством. — Довела дочь до истерики, поставила ее перед невозможным выбором. И Настя его сделала. Надеюсь, ты рада.

Большего бреда в своей жизни я не слышала. Сжимаю кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль отрезвляет, возвращает способность говорить.

— Это я поставила Настю перед невозможным выбором? — мой голос дрожит от едва сдерживаемой ярости. — Я?! А может, это ты настроил дочку против меня?

— И когда бы я успел это сделать? — Марат усмехается, делая шаг ко мне. — Ты примчалась как фурия, как только поняла, что твоя власть над детьми и твоя «правда» под угрозой. Вот только не учла одного: наши дети знают, кто я такой. Знают, что я никогда не сделаю так, чтобы было плохо нашей семье. Поэтому не надо строить из себя жертву. Все все прекрасно понимают.

— Прекрасно понимают? — выдыхаю, чувствуя, как слезы обжигают глаза, но я сдерживаю их из последних сил. — Ты изменил мне, Марат. С любовницей своего брата. И после этого ты смеешь говорить мне про семью?

— Давай ты сначала успокоишься, — он протягивает руку, касается кончиками пальцев моей скулы. Я отдергиваю голову, но в следующий миг понимаю, что это было ошибкой. Слишком резкое отторжение заставляет мужа действовать иначе.

Марат хватает меня за шею, и я чувствую, как его пальцы смыкаются на моей коже. Не больно, но достаточно крепко, чтобы я поняла: вырваться не получится. Муж притягивает меня к себе, и между нашими губами практически не остается расстояния. Я замираю, чувствуя его горячее дыхание на своем лице.

Благо, Марат не пытается сотворить ничего экстраординарного. Он лишь ледяным тоном, прямо мне в губы, произносит:

— Я сказал: давай ты сейчас успокоишься. Хорошенько подумаешь о том, что собираешься натворить. Взвесишь все плюсы и минусы. И поймешь, что тебе гораздо выгоднее оставаться моей женой. А потом мы с тобой поговорим и обсудим твое поведение.

Открываю рот, чтобы ответить… чтобы послать дорогого муженька, куда подальше, чтобы выкрикнуть все, что накипело. Но не успеваю произнести ни звука. Не успеваю даже оттолкнуть от себя бывшего мужа.

Марат сам буквально отлетает от меня. А в следующий момент кухню наполняет звук удара — глухой, тяжелый.

Подпрыгиваю на месте, дезориентированная.

А когда понимаю, что произошло, зажимаю рот рукой, чтобы не закричать.

Леша. Мой сын. Стоит посреди кухни, сжав кулаки, тяжело дыша. Его пятнадцатилетнее лицо искажено яростью, которую я никогда раньше в нем не видела. А на щеке Марата виднеется быстро краснеющий след.

Мгновенно понимаю: сын ударил отца.

— Подонок! — выкрикивает Леша, и в его голосе звенит такая ненависть, что у меня кровь стынет в жилах.

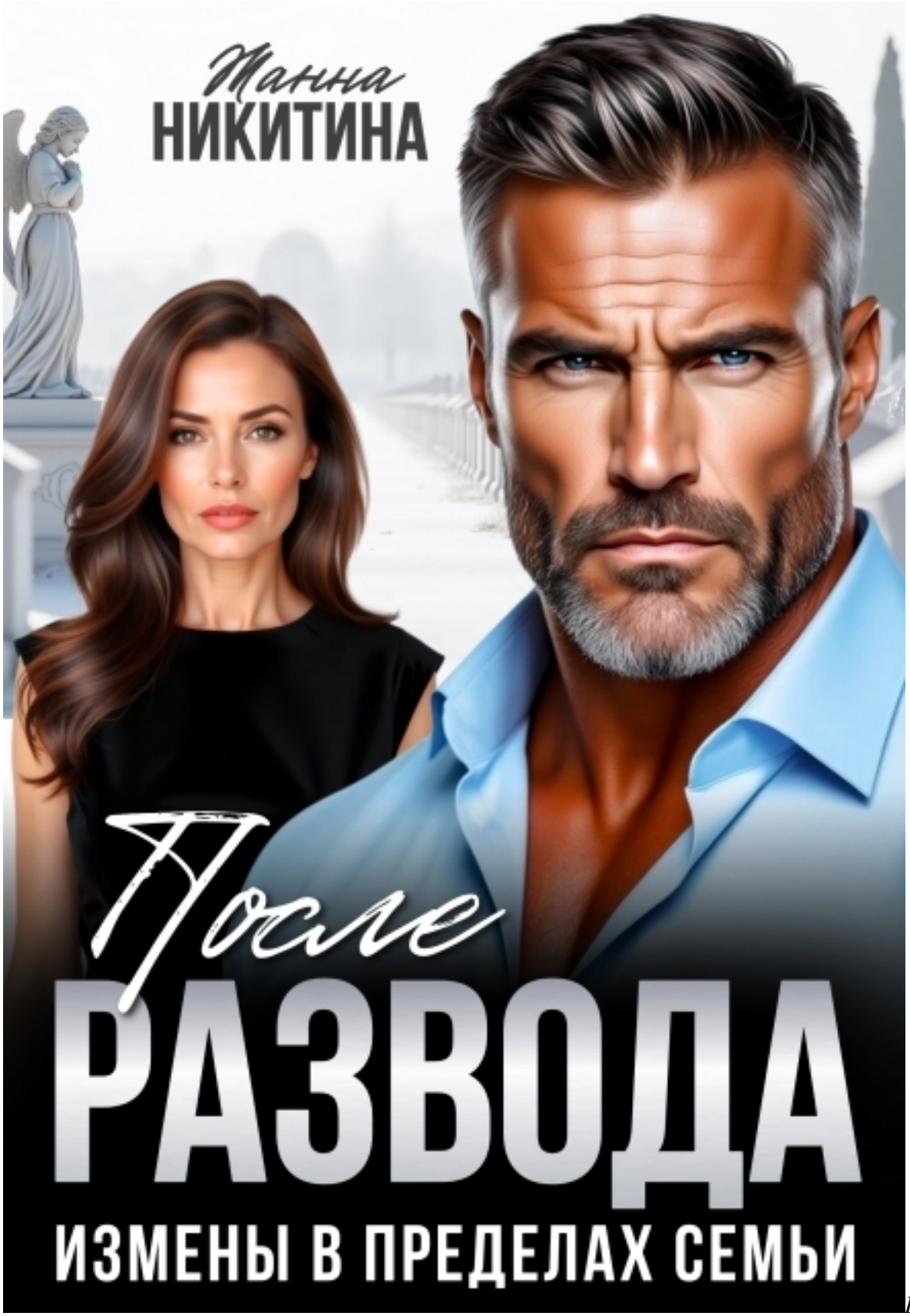
Марат замирает на мгновение. Потирает челюсть, куда пришелся удар, и в его глазах вспыхивает что-то темное, опасное. А уже в следующий миг все становится только хуже.

Муж перехватывает инициативу с хищной грацией, на которую способны только те, кто привык побеждать. Марат хватает Лешу за шею и буквально впечатывает его в стену рядом со мной. Сын бьется затылком о штукатурку, но даже не вскрикивает. Только смотрит на отца с вызовом, стиснув зубы.

— Ты на кого руку поднял, щенок? — рычит Марат ему прямо в лицо.

***

Девочки, хочу пригласить вас в новую историю *Жанны Никитиной*, написанную в рамках нашего моба “Измена — дело семейное”

ПОСЛЕ РАЗВОДА. ИЗМЕНЫ В ПРЕДЕЛАХ СЕМЬИ https://litnet.com/shrt/AAN4

— Мужик здесь я! И я буду решать, разводиться нам или нет! — муж высокомерно смотрит на меня.

— Ты изменил мне! — неверяще смотрю на него. — Неужели ты думаешь, что после такого я останусь с тобой?

— Я не считаю это изменой, — усмехается Володя. — Формально, я не уходил из семьи.

Тошнота подкатывает к горлу.

— Ты спишь с женой своего сына, — выкрикиваю я.

— Ну я же говорю — не выношу сор из избы. И ты этого не делай! После стольких лет брака… какой тебе развод? Ты уже не в том возрасте. Так что не гневи Бога и благодари его за то, что у тебя такой замечательный муж, — Володя подходит ко мне и целует меня в лоб. — В конечном итоге, такие люди, как я, не разводятся. Не забывай, что ты замужем за бывшим военным. А для нас семья — статус! Так что проглоти свою гордость и живи как раньше!

Но я не стала жить как раньше и наплевала на статус мужа. Собрала вещи, подала на развод и зажила новой жизнью, пока через пять месяцев не раздался звонок в дверь.

— Мама, — всхлипывает средняя дочь, стоя на пороге. — Моя младшая сестра вся в отца. Она увела у меня мужа!

ЗАГЛЯДЫВАЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО https://litnet.com/shrt/AAN4

Глава 8

Замираю, не двигаюсь всего мгновение, а в следующее — бросаюсь к мужу.

— Отпусти! Отпусти его! — дергаю Марата за руку, которой он держит нашего сына.

Леша выскочил из своей комнаты в одних боксерах, с лохматыми спутанными волосами. Видимо, дочка только и успела, что разбудить его, прежде чем выложила ему свою правду. Вот только сын воспринял информацию правильно и ринулся защищать мою честь.

Жаль, что не обдумал свои действия и оказался в уязвимом положении. А статуя по имени Марат, даже несмотря на мои усилия, не собирается отпускать нашего сына. Все так же прожигает Лешу ледяным взглядом, смотрит так, что кажется — в любой момент сорвется с цепи и прибьет напрочь ребенка. Материнское сердце сжимается, и кажется, еще мгновение — и оно разорвется.

Леша же не собирается уступать отцу. Во взгляде сына светится столько же ненависти, сколько и во взгляде Марата. Даже несмотря на то, что Леша сипит, задыхается, пытаясь вдохнуть сквозь сдавленное горло, кулаки у него сжаты, глаза сужены. Сын не пытается вырваться. Смотрит на отца прямо и с такой ненавистью, что даже у меня поджилки начинают трястись. И не из-за того, что ребенок может что-то сделать взрослому мужчине, а наоборот — из-за того, как Марат может отреагировать на брошенный ему вызов.

— Да отпусти ты его! — трясу мужа за руку, но тот словно чурбан уперся рогом и не собирается внимать моей мольбе. Я для него будто муха для слона, чьих усилий он совсем не чувствует.

Марат все так же пялится на сына яростным взглядом и рычит:

— Ты кем себя возомнил?

Мне кажется, или он действительно усиливает хватку на шее сына? Леша хрипит, пытаясь вдохнуть, его лицо начинает краснеть. Вздрагиваю, чувствуя полнейшее бессилие. Слезы текут по моим щекам. Ведь я понимаю, что буквально не в силах противостоять этому козлу. Еще немного, и он уничтожит нашего ребенка.

— Он тебе даже ответить не может! — кричу и со всей силы толкаю бывшего мужа в плечо.

Видимо, мне все-таки удается до него достучаться, потому что Марат чуть ослабляет хватку. Но не отпускает Лешу. Благо этого оказывается достаточно, чтобы сын судорожно глотнул воздуха, а потом просипел:

— Ты действительно считаешь, что тебе все можно? Что можно маме изменять?

— Не тебе меня судить, щенок, — цедит муж сквозь зубы. — Ты еще мал, чтобы в таких вопросах иметь свое мнение.

— Я достаточно взрослый, чтобы понимать, что ты последний подонок, — выплевывает Леша, глядя отцу прямо в глаза.

С одной стороны, мое сердце тает от того, что хоть кто-то на моей стороне. С другой — становится жутко страшно за сына. Если он сейчас разозлит Марата еще сильнее, это ничем хорошим не закончится.

— Все-все прекращайте! — выкрикиваю, снова хватая Марата за руку. — Марат, отпусти Лешу! Леша, я сама разберусь с твоим отцом, хорошо? Мы сами разберемся со своими проблемами в отношениях. Пожалуйста… — тяжело сглатываю, — пожалуйста, не надо меня защищать! Я справлюсь сама… Сама решу, что делать… что будет лучше для нас всех…

Смотрю на своего ребенка умоляюще, а он взирает на меня так, словно не понимает, что на меня нашло, и почему я пытаюсь уговорить его перестать бороться с отцом. В глазах Леши светится боль, смешанная с неверием.

— Ты... ты что, остаться с ним собираешься? Простить его? — бормочет он, и в его голосе звучит столько разочарования, что мне хочется провалиться сквозь землю.

«Нет, не собираюсь, ничего я такого не говорила», — хочется закричать во все горло. Но я осекаюсь. Боюсь, что мое сопротивление сделает только больнее нашему ребенку. Боюсь того, что Марат может с ним сделать, если Леша продолжит меня защищать. Судорожно вздыхаю и как можно мягче произношу:

— Я сама разберусь, хорошо? Не нужно вмешиваться в наши отношения с отцом.

Сын смотрит на меня так, словно я его только что ударила. Словно сделала настолько больно, насколько могла. Слезы окончательно заполняют мои глаза, размывая картинку. А я чувствую себя так, словно только что предала не только себя, но и ребенка.

Вот только чтобы защитить сына, я готова на многое. В том числе и на то, чтобы обратиться к Марату. Поворачиваюсь к нему, заглядываю в глаза.

— Отпусти его, — прошу тихо, почти шепотом. — Пожалуйста, отпусти. Я сделаю все, что ты скажешь. Просто отпусти.

Какое-то время Марат смотрит на меня. Изучает, оценивает, взвешивает. А потом все-таки выполняет мою просьбу, разжимая хватку на шее сына.

Леша тут же заходится кашлем, хватает ртом воздух. Сын делает шаг ко мне, хочет что-то сказать, но не успевает. Марат опережает его, заявляя ледяным тоном:

— Как легко тобой, оказывается, управлять. Все, что скажу, сделаешь? — муж криво усмехается, отчего у меня мурашки бегут по коже. — Ну что ж, посмотрим, насколько ты готова зайти в своем «все». Собирайся. Ты едешь со мной.

Глава 9

— Слушаю? — произносит Марат, отвечая на звонок, при этом продолжая вести машину. Несколько секунд муж просто слушает собеседника, а я краем глаза замечаю, что при этом его лицо становится все напряженнее и напряженнее, желваки начинают ходить под кожей. Не проходит и пары минут, как Марат бросает короткое: — Понял. Скоро буду, — сбрасывает вызов. Швыряет телефон на торпеду и рявкает: — Твою мать, — бьет по рулю кулаком.

Вздрагиваю и отшатываюсь.

Таким злым мужа я не видела больше… Да никогда я его таким злым не видела!

Несколько секунд мы просто едем прямо, а я сижу, вжавшись в сиденье, и стараюсь даже не дышать. Боковым зрением замечаю, как побелели костяшки пальцев мужа, сжимающих руль. Воздух в салоне наэлектризовался до предела, кажется, еще чуть-чуть — и проскочит искра, которая подожжет все вокруг. А в следующую — Марат резко выворачивает руль.

Мне приходится схватиться за ручку над дверцей, чтобы не свалиться с кресла, несмотря на то, что пристегнута. Машину заносит, визг тормозов врезается в уши, и я на мгновение зажмуриваюсь, ожидая столкновения. Но муж выравнивает машину и снова встраивается в дорожный поток.

Как мы не попали в аварию — только одному Богу известно. Зато я чуть не отдала ему душу: сердце ускакало в пятки и несколько секунд даже не билось. А сейчас вообще разгоняется до такой скорости, что кровь в венах буквально бурлить начинает. Весь самоконтроль, который я приобрела с момента выхода из дома до того, как муж сделал опасный маневр за рулем, напрочь спадает.

— Ты идиот? — кричу, впиваясь пальцами в сиденье кресла. — А если бы ты врезался в кого-нибудь? А если бы... если бы... если бы...

— Прекращай истерить, — выдыхает Марат настолько усталым тоном, словно ему на плечи мешок с цементом положили, и муж несет его уже несколько часов. — И хватит уже сомневаться во мне. Я тебе не давал повода не доверять мне. Ты прекрасно знаешь, что я великолепно управляю автомобилем.

— Не давал повода не доверять? — как бы я ни пыталась, сдержать саркастическую нотку, проскользнувшую в голос, у меня не получается.

Муж косится на меня и выдает:

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

Конечно, понимаю. Еще как понимаю. А еще понимаю, что поступила как последняя дура, согласившаяся на все, что только можно, лишь бы спасти своего ребенка. Но в критический момент я ничего толком придумать не могла. Кроме мольбы, других идей в голову не пришло. Как говорят, хорошие мысли приходят опосля.

Ну да ладно. Нужно исходить из того, что имеем.

Вот только внутри я себя не перестаю ругать за слабоволие. Потому что рядом с мужем, который в скором времени станет бывшим, — не знаю только, как мне получить развод, но я этого добьюсь, — чувствую себя полной дурой. Дурой, которую используют. Дурой, которую пытаются контролировать. Дурой, которой лишнего слова сказать нельзя.

Мне даже пришлось сегодня позвонить на работу и «сообщить», что плохо себя чувствую, а еще попросить коллегу меня подменить. Благо у нее были «окна» на время моих уроков, поэтому удалось более-менее залатать дыры. Иначе ничего хорошего от сегодняшнего дня ждать не стоило бы. Хотя о чем я? Какое хорошее? Мне просто повезло, что не случилось большей беды. Во всем остальном этот день напоминает бездну, из которой невозможно выбраться.

Больше с мужем общаться я не пытаюсь. Могу даже сказать, что более-менее успокаиваюсь. Ровно до того момента, пока не понимаю, куда мы приехали.

— Серьезно? — медленно отвожу взгляд от огромного стеклянного бизнес-центра, вырастающего перед нами, и перевожу его на паркующегося Марата.

Муж никак не реагирует на мой вопрос. Явно не собирается на него отвечать. Похоже, Марат выбрал тактику игнорирования меня. Он просто выходит из машины, и все.

Правда, проявляет «джентльменство», когда открывает мне дверь. Хотя я думаю, он просто боится, что я сбегу, потому что поняла, в чем заключался его «коварный план». Но пытаться скрыться сейчас — это сродни самоубийству. Этот зверь в любом случае за мной погонится и поймает меня своими загребущими лапами. А что произойдет дальше — непредсказуемо.

Единственный протест, который получается выразить, — отказаться воспользоваться его помощью в виде протянутой руки. Выбираюсь из машины самостоятельно, поправляю задравшуюся водолазку, которую надела вместе с джинсами и кроссовками, и, не глядя на мужа, топаю к бизнес-центру. За спиной улавливаю смешок, но никак на него не реагирую. Иду с гордо поднятой головой.

В холле пахнет дорогим кофе и кожей кресел. Охранник за стойкой кивает Марату как старому знакомому. Мы проходим через турникет, и я послушно следую за мужем к лифтам.

А когда мы оказываемся в кабине — удивительно, но только вдвоем, — не могу удержаться от колкости:

— Надеюсь, ты притащил меня сюда, чтобы обсудить наш предстоящий развод?

Вижу взгляд мужа в зеркальном отражении на дверце. Он говорит мне все, что я должна знать. Но Марат в долгу не остается и хмыкает:

— Не дождешься.

— Тогда зачем? Зачем ты меня сюда привез?

— Скоро узнаешь, — Марат криво усмехается, из-за чего у меня внутри все холодеет. — Придержи коней, моя дорогая, и прояви терпение, которым ты до сегодняшнего дня славилась. А то я смотрю, ты сегодня слишком сильно разнервничалась. Так сильно, что прийти в себя не можешь. За языком своим не следишь, что может быть губительно для жены прокурора.

Мне приходится прикусить щеку и сжать кулаки, чтобы не броситься на этого козла. Он-то не почувствует моих ударов, а вот я сделаю себе только больнее.

Радует одно: долго в замкнутом пространстве с Маратом наедине мне находиться не приходится. Потому что створки лифта открываются, и мы выходим на этаже с множеством кабинетов.

На полу лежит ковролин, который приглушает шаги. А повсюду ходят — или даже бегают — люди в строгих костюмах с бумагами в руках. Несмотря на раннее утро, здесь царит самая настоящая суета. А я чувствую себя лишней.

Вот только стоит мне притормозить, разглядывая вывески на дверях, как муж кладет ладонь на мою поясницу и подталкивает меня вперед. Я вздрагиваю от его прикосновения, словно от удара током. Не в силах выносить того, что Марат смеет дотрагиваться до меня, ускоряюсь и почти вырываюсь вперед.

Мы подходим к кабинету начальника и заходим в приемную. Не обращая внимания на помощницу, которая резко вскакивает из-за стола и что-то пытается сказать, Марат пересекает пространство. Распахивает дверь, даже не постучав, и с порога бросает:

— Рассказывай.

Удивительно, но муж у двери притормаживает и пропускает меня вперед, жестом приглашая войти. Я делаю неуверенный шаг в кабинет, ожидая увидеть Глеба, брата-близнеца Марата. Или, может быть, ту самую брюнетку с фотографий.

Вот только стоит мне переступить порог, как сразу же замираю.

Брата мужа я действительно вижу. Он стоит у окна, напряженный, как сжатая пружина. Но не он приковывает мое внимание.

А его жена, Аня, которая полусидит-полулежит на диване в одном нижнем белье, со связанными красной атласной лентой руками и ногами.

***

Девочки, приглашаю вас в новинку Ларисы Рубенской, которая вышла в рамках нашего литмоба “Измена — дело семейное”

РАЗВОД. ЖЕНЫ ИЗМЕНАМ НЕ ПОМЕХА

https://litnet.com/shrt/ELYz

—Олеся, считай, член семьи, никому про нашу с ней интрижку болтать не станет. Так что, не устраивай сцен, Лида,— раздраженно бросил муж, нервно поправив галстук на шее.

— Она наша нянька,— задохнулась возмущением. —Ты спал с ней прямо в нашем доме.

—Не ори, а то дочь услышит,—резко обрубил муж, прикрыв дверь спальни. —Если тебе так неприятно ее видеть, отправлю ее в дом твоей бабки на Набережной. Правда, тебе придется новую няньку искать. Только пусть в этот раз это будет женщина пенсионного возраста, а то вдруг бес снова попутает…

Чтобы бес не попутал снова, я просто развелась с мужем. Прямо после свадьбы сына, на которой я плакала не от счастья, а от горя, потому муж предал после двадцати пяти лет совместной жизни. Но у меня не было времени расклеиваться, потому что я пыталась помочь семье сына.

— Мам, не делай мне мозги. Ну изменил я жене и что теперь волосы на себе рвать? И вообще, это ты во всем виновата — не смогла удержать отца в семье. Вот я и взял с него пример! Старалась бы лучше в постели с ним, ничего бы не было. А так, я не понимаю, зачем останавливаться на одной женщине, когда можно нескольких попробовать? К тому же, София ни о чем не догадается. Ты ведь будешь молчать, мам?

Заглядывайте обязательно https://litnet.com/shrt/LD-K

Глава 10

— Что…? Что…? Что это такое? — едва выдавливаю из себя слова, не в силах сдвинуться с места.

Смотрю на жену Глеба, и у меня глаза округляются все больше и больше. В голове не укладывается, как такое могло произойти. Точнее, как нечто подобное мужчина может сделать со своей женой.

Аня тоже смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Пытается освободить руки, дергает кистями, но красная атласная лента только сильнее впивается в ее нежную кожу. В глазах женщины стоят слезы, готовые в любой момент пролиться. Рот не заклеен, но Аня все равно молчит. Стиснула зубы так, что желваки ходят под кожей, и пытается всеми силами не выдать лишнего.

Я же словно в статую превратилась.

«То есть, если бы я боролась с Маратом, меня бы ждала такая же участь?» — эта мысль прожигает сознание раскаленным железом. Это мерзко. Грубо. И даже жестоко. А еще бесит… до зубовного скрежета, до ледяного ужаса в позвоночнике.

Сама не понимаю, как срываюсь с места. Ноги несут меня вперед, будто отдельно от тела. Вот только возле дивана едва не падаю — спотыкаюсь о что-то черное, валяющееся на полу.

Стоит бросить взгляд под ноги — сразу же понимаю, что это пиджак. И скорее всего, Глеба. Может, он накинул его на свою жену, чтоб прикрыть наготу, но та его сбросила, когда пыталась освободиться от пут?

Внутри меня разгорается такой пожар, что я едва сдерживаю ярость. С трудом сохраняю хладнокровие. Первое, что нужно сделать — это помочь Ане. А остальное? Остальное подождет.

С этой мыслью падаю на колени прямо на ковролин перед диваном и пытаюсь развязать ленты, которыми Глеб связал женщине ноги. Руки дрожат, пальцы не слушаются, узлы слишком тугие, затянутые с мужской силой и, похоже, с особой жестокостью.

Аня вообще красная до невозможности, из-за чего лицо очень сильно контрастирует с ее блондинистыми волосами. Даже уши у нее пылают. Представляю, как она себя чувствует — скорее всего, ужасно. Я бы на ее месте, наверное, просто сгорела со стыда.

Дрожащими руками пытаюсь распутать слишком сильно затянутые узлы и бормочу:

— Немножко потерпи, я помогу тебе...

— Сама будешь ее успокаивать, если она истерить начнет, — рявкает Глеб, даже не поворачиваясь ко мне.

Бросаю огнемечущийся взгляд через плечо на статую, застывшую у окна. Но ничего не говорю. Просто перевожу взгляд на Аню, глаза которой снова наполняются слезами, но она не дает им пролиться.

— Не переживай, я сейчас тебя развяжу, — произношу как можно увереннее, хотя внутри все дрожит.

Завязано крепко. Так крепко, что с лентами толком справиться не получается. Дергаю, тяну, пальцы скользят по атласу, а узлы только сильнее затягиваются.

— Твою мать, — выплевываю сквозь зубы.

Но помогать мне естественно никто не собирается.

Мой дорогой муженек единственное, что делает — закрывает за собой дверь, проходит в кабинет и обращается к своему брату:

— Тоже сообщение пришло?

— А ты думаешь, почему в один день моя жизнь превратилась в хаос? А спокойная, уравновешенная жена — в истеричку, которую пришлось связать, чтобы она дел не натворила? — саркастическим тоном вторит ему брат.

— Ясно. — Краем глаза замечаю, что Марат подходит ближе к окну, встает рядом с Глебом. — Есть предположения, кто?

— Да понятия не имею. Врагов мы с тобой нажили немало. Надо все наше прошлое перешерстить, — выдыхает Глеб.

Он поворачивается и куда-то идет. Судя по шуршанию, скорее всего, подходит к своему столу. Телефон берет? Или бумаги проверяет? Понятия не имею, но проверять не собираюсь. У меня другое важное дело есть.

— Ты своих уже подключил? — спрашивает Глеб.

— Да. А ты? — уточняет Марат.

— Конечно. Соню тоже сюда везут.

Я, практически справившись с узлами на ногах Ани, замираю.

Соня.

Так вот как получается, зовут их любовницу? Соня.

На секунду зажмуриваюсь, пытаясь справиться с внезапно накатившей волной боли. Утихомирить ее оказывается не так уж просто. Она засела глубоко. Проникла в дальние уголки души. И заставляет меня корчиться в агонии. Сердце пропускает удар за ударом, кровь стучит в висках, перед глазами плывут красные круги.

Но через несколько мгновений — у меня все-таки получается взять себя в руки. Потому что я перекрываю боль злостью. Глубокой, темной, вымороженной злостью, которая придает сил.

Уже в следующее мгновение распахиваю глаза и довольно четкими движениями до конца развязываю узел на ногах Ани. Вот только в следующий момент я снова застываю, когда слышу:

— Ее тоже нужно защитить, вдруг на нее тоже охотиться начнут.

Глава 11

Я даже не понимаю, кто именно из братьев это сказал. Но тот факт, что я услышала нотки заботы в голосе одного из мужчин, меня жутко коробит. Они что, серьезно переживают за свою любовницу? За Соню? Ту самую девушку, из-за которой наши жизни сейчас превратились в выжженную пустыню?

— Давай руки, — говорю Ане, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри все кипит.

Девушка тут же садится, протягивая мне руки, и я вижу, что запястья у нее искусанные, влажные. Видимо, она зубами пыталась развязать эту ленту, но у нее ничего не получилось.

Хорошая девочка. Борется. В отличие от меня, которая сдалась. Но ничего, я возьму себя в руки. Быстро возьму. И тогда моему муженьку мало не покажется.

Со вторым узлом у меня получается справиться куда более ловко. Видимо, я приноровилась, или у Ани получилось самостоятельно его немного ослабить. Вот только разобраться с тем, что именно произошло, не получается, потому что в следующий момент Аня вскакивает на ноги и, как фурия, бросается к мужу.

— Ты подонок! Козел! Скотина! — кричит она, задыхаясь от ярости. — Я тебя прибью, ты понял? Я тебя вообще уничтожу! Я сделаю все, чтобы весь мир узнал, какой ты гад!

Медленно поворачиваюсь и застываю, наблюдая похожую на сюрреалистичную картину: Аня лупит своего мужа по груди кулаками, со всей дури. Ее светлые волосы подпрыгивают при каждом движении, глаза горят бешенством, щеки пылают. Вот только мужчине все нипочем. Он стоит как статуя, просто смотрит на жену, словно перед ним моська, которая решила выступить против слона.

В какой-то момент Глебу явно надоедает быть грушей для битья. Поэтому не проходит и мгновения, как он резко перехватывает руки жены, скручивает их у нее за спиной, заставляя Аню прогнуться в спине, и нависает над ней.

— Может, я и скотина, и козел, и подонок, — шепчет он ей прямо в губы, при этом его голос звучит пугающе спокойно. — Все, что ты обо мне сказала, правда. Но, по крайней мере, у меня мозги не отключились. И я понимаю, что, как бы ты ни хотела сейчас сбежать от меня, самое безопасное место для тебя — рядом со мной. Ты хоть понимаешь, что кто-то посмел выступить не только против меня, а против моего брата, который на минуточку прокурор? Поэтому, может, ты обуздаешь свои эмоции, прекратишь истерить и включишь здравомыслие?

Мне кажется, или мужчина ее встряхивает? Но до Ани слова мужа словно совсем не доходят. Я уверена, хоть и не вижу толком ее лица, что она смотрит на Глеба испепеляющим взглядом. И если тот ее отпустит, она снова бросится на него.

Нет, я не жалею, что развязала Аню. Никто не должен находиться в настолько унизительном положении. Но хотя бы себе признаться могу, что в моей душе на словах Глеба что-то дрогнуло. Неужели действительно кто-то может навредить братьям? Видимо, этот кто-то явно ничего не боится. Потому что в нашей стране выступить против кого-то из структур может быть себе дороже.

Либо же Глеб просто пытается запугать свою жену. И меня заодно.

Пока в моей голове творится настоящий хаос, Глеб продолжает пожирать взглядом свою взвинченную до предела жену. Похоже, видит, что до нее ничего из сказанного им не доходит, и тяжело выдыхает. Не отпуская Аню, он поднимает взгляд на Марата, и они словно обмениваются безмолвными сообщениями. Мой муж кивает.

В следующий момент Глеб снова обращает внимание на жену.

— Ясно, моя дорогая, — шепчет ей в губы. — Тебе нужно посидеть и успокоиться. Сделайте это вместе с Гелькой. Может, она тебя своим умиротворением заразит. Ну или вы поплачете друг у друга на плече о своей «бедной женской доли», — бросает на меня быстрый, про-

жигающий насквозь взгляд. — Но учтите, потом вам все равно придется вытереть слезы и понять, что по сути ничего такого не произошло, чтобы так убиваться. Жизнь ни одной из вас не изменится. Короче, у вас есть час на то, чтобы пораспускать нюни, пока с Маратом мужскими делами занимаемся.

Я толком опомниться не успеваю, как Глеб чмокает жену куда-то в висок и чуть отталкивает от себя, так что она теряет равновесие, но не падает. Широкими шагами мужчина преодолевает расстояние до двери. Марат следует за братом по пятам.

И только когда они оказываются в дверном проеме, я подхватываюсь:

— Вы что творите?

Марат оглядывается через плечо, смотрит на меня и произносит:

— Как сказал вам Глеб, даем вам возможность обсудить свою бедную женскую долю. Вам будет полезно перемыть всем косточки, пока взрослые мальчики решают вопросы. А чтобы вы не натворили чего-то, о чем пожалеете, посидите взаперти… лишь для вашей собственной безопасности.

Миг, и Марат тоже выходит из кабинета, а я слышу, как ключ поворачивается в замочной скважине.

Глава 12

Всего мгновение стою, не двигаясь, а потом срываюсь с места. Внутри меня что-то сжимается из-за ощущения, будто весь мир сошел с ума, перевернулся с ног на голову.

Подлетаю к двери и дергаю за ручку. Раз. Два. Три.

— Откройте! Откройте, кому сказала! — начинаю стучать по дереву ладонями, сначала тихо, потом все сильнее, отчаяннее.

Истерика, которую я так долго сдерживала, наконец-то накрывает меня. Слезы прорываются из глаз и уже градом текут по щекам, заливают лицо, капают на водолазку. Я даже не вытираю их, просто продолжаю лупить по двери, чувствуя, как кожа на ладони саднит, горит огнем.

Вот только похоже, меня никто не слышит. Либо делают вид, что не слышат.

В итоге уже не чувствую руки, но не прекращаю колотить по двери.

— Прекращай, все равно дверь никто не откроет, — доносится до меня удивительно спокойный, я бы даже сказала, равнодушный голос.

Именно он влияет на меня так, что замираю с поднятой рукой, тяжело дыша, всхлипывая.

Силы моментально меня покидают. Сжимаю ладонь, которую практически отбила, — она так сильно жжет, что словами не передать, — и прикрываю глаза. Стараюсь дышать ровно, размеренно. Пытаюсь осознать все происходящее. Либо же наоборот — затолкнуть осознание как можно глубже, чтобы ничего не чувствовать.

Только долго находиться в бесчувствии у меня не получается. Мысли все равно настигают меня, и я бормочу, обернувшись через плечо:

— Но там же секретарша...

— Думаешь, она пойдет против босса? — саркастически хмыкает Аня.

Я резко разворачиваюсь и впиваюсь в нее взглядом.

Женщина стоит все также в одном белье посреди кабинета, скрестив руки на груди. И выглядит... удивительно спокойно. Еще мгновение назад Аня чуть ли не с ума сходила, а сейчас ее взгляд стал ледяным, холодным, равнодушным. Я даже в собственном здравомыслии начинаю сомневаться. Возможно, я только что не наблюдала сцену, где она изо всех сил избивала своего изменщика мужа.

Такая перемена в настроении Ани, если честно, немного выбивает из колеи. И даже пугает. Но я стараюсь не давать своим эмоциям ход и просто задаю следующий вопрос:

— Как вообще такое могло произойти? Как мы могли оказаться в подобной ситуации?

Мы с Аней в принципе достаточно неплохо дружим, хоть и такие разные, как день и ночь. Она блондинка, я брюнетка. Она метр шестьдесят где-то, я высокая. Она карьеристка, маркетолог в серьезной компании, я просто учительница. У Ани с Глебом маленькие девочки, погодки, а у нас с Маратом уже достаточно взрослые. Но мы с женой брата моего мужа подружились и довольно хорошо общались с момента ее свадьбы с Глебом.

— Как ты обо всем узнала? — вдруг спрашивает Аня.

— У нас вчера был романтический вечер, если ты не заметила, — она обводит свое черное, очень откровенное кружевное белье выразительным взглядом. — И закончился он не очень хорошо.

Я, конечно, не такая открытая, как Аня, поэтому отвожу взгляд в сторону, разглядывая корешки книг на полке за столом Глеба, и просто спрашиваю:

— Что ты предлагаешь? Просто сидеть и ждать? Ничего не делая?

Аня на секунду задумывается, прикусывает губу. А потом начинает расхаживать туда-сюда по кабинету, меряя шагами дорогущий ковер. При этом накручивает светлые волосы на палец. А я не могу перестать удивляться тому, как быстро у нее переменилось настроение.

Только что Аня была готова разорвать мужа голыми руками — и вот уже строит какие-то планы, явно шевеля извилинами.

Внезапно ее губы растягиваются в широкой ухмылке. Аня сначала задерживает взгляд на столе мужа — огромном, дубовом, заваленном бумагами, — а потом переводит его на меня. В ее глазах вспыхивает опасный огонек, от которого у меня мурашки бегут по коже. И они только усиливаются, когда Аня с явной хитринкой в голосе спрашивает:

— Ты рисовать умеешь?

Глава 13

— Ты издеваешься надо мной? — широко распахнутыми глазами смотрю на Аню, сидящую за столом ее мужа.

Вот только женщина никак не реагирует на мое явное недоумение, смешанное с раздражением. Я бы сказала, ей все равно, какие чувства я испытываю. Выглядит Аня максимально сосредоточенной, даже вон губу жует, явно чего-то ждет и о чем-то размышляет. На меня внимание она перестала обращать ровно после того момента, как дала мне «задание».

Сама же быстренько направилась к дивану. Кривясь, подхватила пиджак мужа, накинула на себя — видимо, в нижнем белье щеголять оказалось не особо комфортно. А потом плюхнулась в кресло своего мужа, открыла ноутбук и ввела пароль, который, похоже, знала.

Это очень большое упущение со стороны Глеба — оставить нам средства связи. Да, телефон стационарный, наверное, проходит через пункт охраны и вызов в любой момент могут оборваться. А вот интернет никто не контролирует.

Но это меня сейчас мало волнует. Куда больше меня интересует тот факт, что именно задумала Аня. Ведь посвящать мою персону в свои планы девушка явно не собиралась и не собирается до сих пор. Она просто сунула мне папку с контрактами, которые нашлись на столе у мужа, вместе с маркером и сказала: «Рисуй на обратной стороне».

С тех пор она занялась своими делами, а я стою как статуя, переминаясь с ноги на ногу. Похоже, из нас двоих более решительной оказалась не я. Я тоже в принципе готова на все, чтобы выбраться из ада, в который затащил меня муж. Но мне бы хотелось хотя бы быть посвященной в план.

Видимо, я слишком долго стою неподвижно, раз Аня все-таки обращает на меня взор.

— Так ты будешь делать, что я говорю, или нет? — в ее голосе сквозит раздражение. — Я что ли должна все на себе тащить?

Последняя фраза задевает что-то внутри меня. Меня передергивает. Я упираю руки в бока, все еще сжимая в одной руке папку с контрактами, в другой — маркер.

— Может, ты все-таки посвятишь меня в свой план? — требую я, глядя ей прямо в глаза. — Мы все-таки вдвоем в одной упряжке.

— Что-то я не заметила, — хмыкает Аня, бросая быстрые взгляды то на меня, то на экран ноутбука.

Я продолжаю упрямо смотреть на нее. Не отступаю. Не позволю никому задвигать меня на задний план.

— Ладно, ладно, — Аня закатывает глаза, но я вижу, как в них мелькает что-то похожее на уважение. — Я тебе все расскажу. Дай только довести до конца. И если все получится, я тебе обязательно расскажу. А пока, чтобы не терять время, пиши. Потом нужно будет твои художества на окно приклеить.

— Приклеить? Как?

— Ну, — Аня трет подбородок, — с помощью воды. Вон стоит бутылка, — она кивает на стеклянную бутылку с минералкой на столе. — Давай, Геля! Действуй! У нас не так много времени есть на то, чтобы выбраться из сложившейся ситуации, победительницами, при этом поставить наших мужей на место, — с надеждой смотрит на меня.

Тяжело вздыхаю, но все-таки делаю то, что велит подруга. Кладу папку на пол, открываю ее и сажусь напротив. Беру маркер и огромными черными буквами на каждом листе, по одной букве, вывожу:

«П О М О Г И Т Е , М Ы В З А Л О Ж Н И К А Х.»

Буквы получаются кривыми, неровными — руки дрожат. Маркер противно пахнет спиртом, чернила въедаются в дорогую бумагу наверняка важных документов. Но мне плевать. Пусть Глеб знает, чем оборачиваются игры с женщинами, во всех смыслах этих слов.

Аня тем временем с кем-то переписывается в интернете. Я вижу краем глаза, как быстро мелькают ее пальцы по клавиатуре, как женщина хмурится, потом ухмыляется. С кем она говорит? Кому можно написать в такой ситуации?

Поджимаю губы, чувствуя легкое недовольство от того, что меня держат в неведении. Но в итоге делаю, что сказано. Смачиваю водой из бутылки края листов и вешаю их на стекло, прижимая, чтобы намокшая бумага прилипла. Окно огромное, панорамное. И этаж у нас высокий. Но эти буквы все равно должны быть видны снаружи. С соседнего здания, по крайней мере, точно.

Надеюсь, кто-нибудь заметит.

Как только я вешаю последний лист — явно испортив пару контрактов, не только из-за огромных букв на задней стороне документов, но и из-за того, что вода попала на текст, размывая его, — Аня хлопает обеими руками по столешнице и произносит:

— Отлично! Готовность десять минут.

— Десять минут до чего? — резко оборачиваюсь, забыв про листы. — К чему мы готовимся? Может, все-таки объяснишь, что мы делаем?

Аня откидывается на спинку кресла, довольно потягивается, как сытая кошка. Ее губы расплываются в широкой, почти хищной ухмылке.

— Мы готовимся к тому, чтобы устроить нашим мужьям веселую жизнь, — заявляет она. — Вдобавок, прославим их.

Глава 14

Как только Аня посвящает меня в свой план, я сразу же ловлю панику. И не потому, что замысел подруги кажется мне неосуществимым — нет, все вполне выполнимо, из-за чего мы обе чувствуем явное предвкушение. А скорее потому, что я боюсь представить, какая будет реакция у Марата с Глебом, когда они поймут, что именно мы натворили.

А информация об «инциденте» дойдет до них быстро. Потому что для осуществления задуманного подруга решила привлечь своего лучшего друга — блогера и журналиста одновременно. Слава уже по всему интернету разнес фотографию, сделанную со здания напротив. Наша надпись на окнах сфотографирована так, будто случайный прохожий заметил ее и отправил информацию во все средства массовой информации.

Нам же с Аней остается только ждать, когда полиция подхватит эту историю. Понятное дело, что мой муж — прокурор, может все замять. Поэтому Аня и решила перестраховаться — подключила ко всей этой истории журналиста, чтобы ничего такого не произошло. И появился общественный резонанс.

В любом случае все, что зависимо от нас, мы сделали. Теперь остается сидеть и ждать развязки. У Ани это хорошо получится, я же себе места найти не могу. Хожу туда-сюда по кабинету за спиной подруги, в то время как она устроилась за столом мужа и просматривает новостные паблики, которые освещают нашу ситуацию. Ее лицо освещается голубоватым светом монитора, пальцы быстро скроллят ленту, и в какой-то момент она произносит с явным удовлетворением:

— О, уже прошла информация, что подключилась полиция. Скоро их ждем в гости, — в ее голосе звучит предвкушение и злорадство одновременно. Я же наоборот напрягаюсь, постоянно поглядывая то на дверь, то на экран, в котором каждую минуту мелькают все новые и новые картинки, заголовки, комментарии.

Внутри у меня горит такой огонь, что его попросту контролировать не удается — кажется, я вот-вот сгорю изнутри. Как бы я ни хотела успокоиться, ничего не выходит. Вдобавок меня прилично потряхивает. Руки дрожат, колени подкашиваются, сердце колотится где-то в горле.

— Ань, — не выдерживаю я, — а если они нас убьют? Если Марат войдет и просто пристрелит нас обеих? — понимаю, что, наверное, кажусь глупой, но я просто не могу не думать о последствиях нашего с Аней поступка. А мозг-предатель то и дело подбрасывает страшные картинки, которые дорисовывает мое слишком живое воображение.

— Не пристрелит, — отмахивается подруга, даже не оборачиваясь. — Слишком много свидетелей. Слишком много шума. Теперь это не семейная разборка, это общественный резонанс. Нашим мужьям скоро будет не до нас.

— Ты так уверена...

— А ты сомневаешься? — она наконец поворачивается, смотрит на меня с вызовом. — Хочешь дальше быть жертвой? Хочешь, чтобы они и дальше тобой помыкали, изменяли, запирали в кабинетах?

— Нет, но...

— Никаких «но», Геля. С нас хватит. Эти два брата должны понять, что мы не в средневековье живем. У женщин в наше время есть права!

Аня снова утыкается в экран, а я продолжаю мерить шагами кабинет. В итоге не выдерживаю, подхожу к окну, с которого уже начали отваливаться буквы, но слова все еще можно разобрать. Смотрю вниз, туда, где у входа в бизнес-центр собирается толпа. Люди, машины, проблесковые маячки.

— А-а-ань, — зову подругу замогильным голосом. — Что это?

Аня подлетает ко мне в мгновение ока.

Теперь мы с ней стоим плечом к плечу, прижавшись лбами к холодному стеклу, и смотрим вниз. К главному входу здания, где мы находимся, одна за другой подъезжают полицейские машины. Маячки мигают синим и красным, люди в форме снуют туда-сюда, оцепление растягивается по периметру.

— Ого, — выдыхает Аня.

А у меня с губ слетает истеричный, саркастический, почти злодейский смех. Я не узнаю этот смех — он чужой, пугающий, — но остановиться не могу. Просто смеюсь, при этом продолжаю смотреть вниз.

— Ну что, игра началась, — произносит Аня, продолжая наблюдать за всеми подъезжающими и подъезжающими машинами. — Наша история, похоже, приобрела такой резонанс, что полицейские действительно решили: в здании бизнес-центра взяли заложников.

Глава 15

— Нас посадят, — слетает с моих губ до того, как я успеваю себя остановить.

Каждая клеточка моего тела превращается в полыхающий костер. А страх и паника, которые я все это время пыталась контролировать и даже справлялась с поставленной перед собой задачей, пока не увидела оцепление вокруг бизнес-центра, в котором мы находимся, накрывают меня с головой.

Смотрю вниз, и картина, открывшаяся глазам, заставляет сердце провалиться куда-то в пятки. Весь периметр здания оцеплен плотным кольцом полицейских машин. Синие и красные проблесковые маячки мигают в унисон, создавая жуткое световое шоу. Люди в форме снуют туда-сюда, кто-то разматывает сигнальную ленту, кто-то что-то докладывает по рации. Чуть поодаль я замечаю несколько темных микроавтобусов без опознавательных знаков — скорее всего, спецназ. Вокруг здания собралась толпа зевак, которых полицейские оттесняют все дальше и дальше. Кто-то снимает происходящее на телефоны, кто-то просто глазеет, задрав головы вверх.

А над всем этим хаосом в небе барражирует полицейский вертолет. Его лопасти с мерным гулом разрезают воздух, и я отчетливо вижу, как в открытом люке сидит человек с чем-то, очень похожим на снайперскую винтовку.

Это же какой-то фильм? Мы просто попали на съемки фильма?

— Господи, — выдыхаю я, чувствуя, как подгибаются колени. — Они думают, что здесь террористы. Штурмовать нас собираются. А когда узнают правду, посадят нас!

— Посадят? — Аня отрывается от окна и смотрит на меня с непередаваемым выражением лица.

— Ты не понимаешь? Мы сделали ложный вызов! Да это сейчас будет во всех новостях! Ты представляешь, что произойдет? Если не посадят, то оштрафуют точно! — выпаливаю я, начиная заламывать руки. — Да еще и...

— Не оштрафуют, — перебивает меня Аня, закатывая глаза. — Мы никакой ложный вызов не делали. Мы что ли виноваты, что они все неправильно восприняли? Вообще-то, правильно мы написали: «Мы в заложниках». Ну, подобрали слишком сильное слово, бывает, знаешь?

— «Бывает»? — смотрю на нее, не веря своим ушам. — Ты видела, что там внизу творится? Там спецназ! Вертолет! Они сейчас ворвутся сюда с автоматами!

— Все там нормально, — отмахивается Аня, но я замечаю, как ее пальцы нервно теребят край пиджака. — И вообще, давай не будем раньше времени накручивать себя. То, что средства массовой информации преподнесли все, что здесь случилось, по-своему, мы проконтролировать не могли. В любом случае, развязка уже скоро. Мало того, что мы попадем во все телеканалы, что подпортит репутацию нашим мужьям, так еще и выберемся из этой западни. Выйдем оттуда победителями.

— Победителями? — переспрашиваю я, чувствуя, как внутри все сжимается.

Стоит только представить реакцию Марата на все происходящее и какими будут последствия его гнева, мне аж плохо становится. Желудок скручивает спазмом, к горлу подкатывает тошнота.

Вот только долго предаваться панике и расхаживать по кабинету у меня не получается. Не проходит много времени, прежде чем за дверью раздается шум.

Сначала топот. Множество ног, тяжелых, мужских, судя по звуку — целое стадо слонов несется по коридору. А поверх этого топота доносится тонкий, испуганный голос секретарши:

— Это кабинет руководителя! Вы не можете сюда войти! Вы не понимаете, его нет на месте! Вы не понимаете...

Вот только, кажется, ее никто не слушает. Потому что в следующий момент раздается громкий, властный стук в дверь, от которого я подпрыгиваю на месте. Аня тоже вздрагивает, но быстро берет себя в руки.

— Вы там? — рявкает грубый мужской голос из-за двери. — С вами все в порядке?

Я теряю дар речи. Слова застревают в горле, язык будто к небу присыхает. Зато Аня вполне способна функционировать и говорить.

— Да! Мы здесь! — кричит она, при этом в ее голосе звучат такие панические нотки, что я на мгновение даже верю в ее испуг. — Мы в порядке! Выпустите нас, пожалуйста! Это... это какой-то кошмар! — подруга говорит так, будто вот-вот разрыдается. Но при этом выглядит она совершенно спокойной. Даже ухмыляется слегка. — Помогите нам, пожалуйста, — добавляет Аня, а я понимаю, что в ней умерла великая актриса.

— Сейчас откроем, не переживайте! — доносится все тот же грубый голос. А следом я слышу, как он обращается к кому-то другому: — Либо вы открываете дверь сами, ключом, либо мы ее выносим.

— Вы не имеете права! — доносится второй мужской голос, явно принадлежащий кому-то из охраны. — Вы знаете, кто мой руководитель? Его брат — прокурор!

— Мне плевать, кто ваш руководитель и кто его брат! — рявкает первый. — Мне нужно отработать вызов, который, как выяснилось, оказался правдив! Поэтому либо открываете добровольно, либо еще и за препятствие правосудию сядете. Вам еще повезло, что мы штурмовать здание не начали, а сначала разведку провели!

На мгновение воцаряется тишина. Я задерживаю дыхание, прислушиваясь. Потом раздраженный голос мужчины из охраны заявляет:

— Ну я вам открою. Только вы об этом потом пожалеете.

А в следующую секунду раздается поворот ключа в дверном замке.

Замираю, перестав дышать. Сердце колотится где-то в горле, готовое выпрыгнуть наружу. Дверь распахивается, и на пороге появляется большой мужчина в форме — полковник, судя по погонам. За его спиной мелькают еще несколько человек, тоже в форме, и парочка в обычных деловых костюмах — видимо, охранники.

Я даже опомниться не успеваю и придумать, что сказать, как все объяснить, а Аня уже продолжает свою игру. Она буквально бросается в объятия мужчины в форме, который, похоже, должен был стать ее спасителем, и начинает тараторить:

— Спасибо! Спасибо! Спасибо, что спасли! Вы не представляете, что это было! Спасибо!

Она всем телом прижимается к мужчине, и полковник, слегка опешив, неловко похлопывает ее по спине.

— Все хорошо, гражданка, все хорошо. Вы в безопасности.

Вот только доиграть Ане не получается. Потому что уже через мгновение в кабинет вваливаются еще двое. Расталкивая полицейских, с искаженными от ярости лицами, в проем врываются Марат и Глеб.

Я даже не понимаю, кто из них первым открывает рот. Но рев, который вырывается сразу из двух глоток, заставляет меня вжаться в стену:

— Какого черта здесь происходит?

Глава 16

Желудок тут же ухает вниз. Если раньше я считала, что мне было страшно, то очень сильно ошибалась.

Взгляд, которым меня одаривает Марат, буквально вгоняет мое сердце в пятки, при этом дыхание перехватывает окончательно. Не удивлюсь, если сейчас, еще чуть-чуть, и я грохнусь в обморок от недостатка кислорода. Хаос, который происходит вокруг, отходит на задний план. Я вижу только мужа: его заострившиеся черты лица, разъяренный взгляд и раздувающиеся ноздри.

Марат напоминает хищника, который в любой момент может прыгнуть на любого присутствующего и перегрызть ему глотку своими острыми клыками. Воображение подкидывает мне кошмарные картинки, такие, от которых внутри становится все холоднее и холоднее. Кажется, еще немного, и я превращусь в ледышку.

На самом деле, скорее всего, проходит несколько секунд, но в моей голове я проживаю целую вечность до того момента, как снова раздается, на этот раз точно, голос моего мужа:

— Я спросил: что здесь происходит? — требует объяснений он, буравя взглядом сначала меня, а потом полковника.

Вот только мужчине, который даже не представился, похоже, тон, с которого началась «беседа», не очень сильно нравится. Поэтому он разворачивается к братьям, окидывает их внимательным, я бы даже сказала, пронзающим насквозь взглядом, и спрашивает:

— Может, вы сначала представитесь, прежде чем отдавать какие-то приказы?

В глазах моего мужа вспыхивают искры гнева, желваки еще сильнее начинают ходить под кожей, но в итоге он берет себя в руки. Марат достает удостоверение из внутреннего кармана пиджака и сует его полковнику прямо в лицо.

— Старший советник юстиции Марат Александрович Архипов, прокурор города, — чеканит он, а в его голосе слышится сталь. — Надеюсь, этого достаточно, чтобы получить ответ на мой вопрос?

Полковник изучает удостоверение, чуть сощурив глаза, потом кивает, а Марат возвращает его обратно в карман.

Рядом тут же возникает Глеб. Он явно не собирается оставаться в стороне — достает из портмоне визитку и вкладывает ее в руку полковнику, параллельно заглядывая тому в глаза.

— Глеб Александрович Архипов, адвокат. Адвокатская коллегия «Головин и партнеры», — представляется он, в его тоне тоже чувствуется напряжение. — И также человек, чей кабинет вы так беспринципно вскрыли.

Полковник переводит взгляд с одного брата на другого, а потом тоже представляется:

— Подполковник Дорохов, — кивает сначала Марату, потом Глебу. — Управление по борьбе с терроризмом, — он делает паузу, давая информации усвоиться. А через мгновение продолжает:— Теперь, если позволите, я задам свой вопрос: какого черта вы взяли двух девушек в заложники?

Тишина, которая воцаряется вокруг, кажется настолько звенящей, что у меня уши закладывает. Прикусываю внутреннюю сторону щеки и чувствую, что еще чуть-чуть — и упаду в обморок точно. Чтобы хоть как-то сохранить себя в здравом уме, впиваюсь ногтями в ладони и стараюсь… правда стараюсь!... размеренно дышать. Но дыхание срывается каждый раз, в груди образуется такой огромный ком, что мне кажется, вот-вот мои мучения наконец закончатся.

Мое состояние только ухудшается, когда Марат заявляет:

— Какие, к черту, заложники? Это наши жены.

Даже не видя профиля полковника, я замечаю, как на секунду меняется выражение его лица — с ожесточенного на удивленное. Но уже через мгновение прежнее выражение возвращается.

— Вы взяли в заложники собственных жен? — переспрашивает Дорохов, а в его слова проскальзывает недоверие, смешанное с обвинением.

— Никто их в заложники не брал! — вмешивается в разговор Глеб, делая шаг вперед. — С чего вы вообще это взяли?

Но прежде чем подполковник успевает что-то ответить, Аня подлетает к мужчинам и заявляет:

— Еще как брали! В заложники они нас взяли и отпускать вообще-то не собирались. Правда, Геля? — она оглядывается на меня через плечо, смотрит на меня, и я замечаю, что в ее глазах пляшут чертики.

Глава 17

Открываю рот, но из меня не вылетает ни слова. Перевожу взгляд на Марата и буквально считываю предупреждение, которое отражается на его лице: «только посмей ляпнуть что-нибудь лишнее». В голове даже голос мужа звучит, угрожающий, ледяной, не терпящий возражений.

И не знаю, что становится для меня последней каплей… что именно действует, как спусковой крючок: то ли инстинкт самосохранения, то ли его отсутствие, — ведь в следующий момент ступор спадает с меня, а в голове проносится всего одна фраза: «Была не была».

Я произношу всего шесть слов, которые меняют все:

— Эти двое держали нас в заложниках.

Мне кажется, именно в этот момент происходит ядерный взрыв. Потому что события начинают развиваться с невероятной скоростью.

— Да что вы несете? — рявкает Глеб, делая шаг в нашу сторону.

Марат пытается подойти ко мне и заявляет, прожигая взглядом:

— Хватит придуриваться. Зря я тебя оставил. Собирайся, ты едешь со мной.

Муж тянет руку, хватает меня за запястье, и я даже не замечаю, как он успевает это сделать. Пальцы смыкаются на моей коже стальным капканом, боль простреливает до локтя. Но полковник Дорохов реагирует мгновенно — буквально втискивается между мной и мужем, резким движением выдирает мою руку из его хватки.

— Отойдите от женщины, — приказывает он тоном, не терпящим возражений.

Аня тем временем подлетает к полковнику с другой стороны и сует ему прямо в лицо свои руки.

— Посмотрите! Смотрите! — ее голос дрожит, срывается на всхлип. — Это по-вашему нормально? А вот еще! Вот на ногах!

Она поочередно поднимает ноги, демонстрируя багровые следы на щиколотках — те самые, что остались от атласной ленты, которой Глеб ее связал. Слезы буквально градом льются по щекам девушки, нос предательски хлюпает, при этом девушка продолжает играть, как лучшая в мире актриса:

— Гельке просто повезло! Она просто была послушная, а я... а я строптивая, им не понравилось! Я не знаю, что они сделали бы со мной! Вы можете нам помочь? Вы можете нас спасти от этих монстров?

— Что ты несешь? — рявкает Глеб, подлетая к жене, и тянет к ней руки, явно намереваясь схватить.

Но Аня с испуганным визгом отпрыгивает от мужа, тоже прячась за спину полковника.

— Не подходи! Не подходи ко мне! — кричит она, при этом в ее голосе звучит столько неподдельного ужаса, что я сама на мгновение верю в ее игру. — Я боюсь! Я боюсь его! Пожалуйста, спасите! Они… эти монстры, которые зовут себя нашими мужьями, закрыли нас в кабинете, явно хотели что-то с нами сделать! Может, может, на органы продать или еще хуже — в рабство! А все потому, что они себе другую женщину нашли! Одну на двоих! Представляете?

Боже, если бы я умела так играть, это был бы лучший навык на свете. Но, к сожалению, его у меня нет. Я просто чувствую, что устала. Устала до невозможности, до ломоты в костях, до звона в ушах. И хочу только одного, чтобы меня оставили в покое.

Вот только, похоже, такое счастье мне не грозит.

Потому что Марат заявляет, сверля полковника тяжелым взглядом:

— Дайте мне номер вашего начальства. Я с ним свяжусь, сам все улажу.

Ему явно не нравится, что Дорохов преградил ему путь, не дает добраться до меня. Полковник стоит скалой, заслоняя нас с Аней своими широкими плечами.

Да и вообще полковник, похоже, тоже не лыком шит. Слушает истерику Ани, краем глаза контролирует ситуацию, и при этом не сводит взгляда с двух мужчин, которые кажутся ему подозрительными.

— Мы все прямо сейчас едем в отделение, — в итоге заявляет Дорохов жестко, отчеканивая каждое слово. — И уже там будем разбираться, что произошло. А вам, господин прокурор, я советую придержать коней, если не хотите, чтобы вас вывели в наручниках.

Глава 18

Вспышки камер… они повсюду.

Гул голосов.

Куча вопросов летит словно из ниоткуда.

Кажется, что я попала в кино, в настоящую трагедию, в которой меня случайно сделали главной героиней. При этом у меня внутри что-то сломалось, что-то опустело, и «играть», как бы я того ни хотела, у меня не получается. Эмоции больше не бушуют внутри, как сегодня утром, они просто замерли где-то внутри… под сердцем. А может, и вообще покинули тело вместе с моей душой, которая летает где-то вокруг и наблюдает за всем со стороны.

В какой-то момент кто-то сует мне в лицо микрофон, выкрикивает какой-то вопрос. Я его даже не выделяю из тех тысяч вопросов, которые летят в мою сторону. Просто отворачиваюсь, стараюсь скрыться от камер, направленных на меня, пытающихся запечатлеть каждую мою эмоцию, каждый сантиметр моего тела.

Где-то рядом идет мой муж и с кем-то яростно разговаривает по телефону. С другой стороны от нас идет его брат и тоже кому-то названивает, что-то выпаливает в трубку. Я не слышу, о чем они говорят. Да и вообще ничего не воспринимаю.

Ровно до того момента, пока чьи-то руки не ложатся мне на плечи.

Вздрагиваю, отшатываюсь, но уже в следующее мгновение понимаю — это Аня, и выдыхаю. Женщина все также выглядит трагично, заплаканно, будто над ней только что издевались. На ней одет все тот же пиджак Глеба, но на этот раз застегнутый на все пуговицы. Аня явно не собиралась щеголять в одном белье перед камерами.

При этом она обнимает меня за плечи, крепко прижимается ко мне и шепчет на ухо:

— Сделай более болезненное лицо. Вспомни, что эти козлы нам сделали. Вспомни, что они нам изменяют. Просто вспомни боль, которую причинил тебе муж этим утром. Почувствуй эту боль. Почувствуй!

Миг, и во мне что-то меняется. Надрывается. Весь шум, все люди, все камеры отходят на задний план. Боль захватывает все. Она впивается в каждую клеточку моего тела, становится частью меня.

Я ведь люблю Марата. Любила. Так сильно любила, что дышать толком не могла. Столько лет я была рядом, столько лет я дарила ему свою любовь, свою заботу, себя всю без остатка. А он поступил со мной как с вещью. Как с предметом мебели, которым можно пользоваться, пока он нужен.

Мой муж просто пользовался мной. Пользовался.

А потом взял и просто выбросил.

От этого осознания становится так невыносимо, что слезы тут же заполняют глаза и начинают скатываться по щекам. И это видят буквально все. В том числе и Марат.

Он с прищуром смотрит на меня, явно пытаясь понять: настоящие мои эмоции или нет. Для всех остальных открывается картина: две плачущие девушки, которых держали в заложниках, идут рядом друг с другом, и одна утешает другую. Для всех мы — жертвы. А рядом с нами, даже без наручников, но в сопровождении подполковника и омоновцев, идут наши палачи.

— Умница, — шепчет Аня мне на ухо, когда мы проходим сквозь толпу журналистов. — А теперь запомни: если нас разделят, ты говоришь правду. Только правду. Он тебе угрожал? Угрожал. Насильно привел на работу к брату? Привел. Не отпускал, запер? Запер. Все рассказываешь — чистую правду. А что с тобой собирались делать — ты не знаешь. Но тот факт, что нас держали в заложниках, это неоспоримый факт. Это нас не спасет. Потому что они не собирались нас отпускать. Ясно?

Я молча едва заметно киваю, чувствуя, как пальцы Ани больно впиваются в мое плечо.

— Если поступишь правильно, нас отпустят, а им долго придется разгребать то дерьмо, которое они сами заварили. Если нет, иначе эти двое предателей окажутся безнаказанными. Ты же этого не хочешь?

Сглатываю горький ком в горле.

— А если вдруг сомневаешься, посмотри вон туда.

Аня слегка, чуть заметно, указывает подбородком в сторону. Я прослеживаю взглядом в нужном направлении, и среди толпы зевак безошибочно нахожу ее. Я не видела ее раньше вживую, но точно знаю — это она.

Девушка с фотографий. Соня.

Она стоит посреди толпы, и ее трудно не заметить. Яркая брюнетка с длинными волнистыми волосами, которые рассыпались по плечам. Ее огромные карие глаза широко распахнуты, в них застыл неподдельный ужас. Губы приоткрыты, будто она хочет что-то крикнуть, но не может выдавить из себя ни звука. Одета дорого, со вкусом — светлый плащ, туфли на каблуках, в руках сумочка известного бренда. Но сейчас весь ее лоск померк на фоне того, что происходит. Она явно переживает. Переживает за двоих своих мужчин.

***

Девочки, девочки, девочки!

У меня *НОВИНКА##*

##ПОСЛЕ РАЗВОДА. ПРОЩАЙ, ГЕНЕРАЛ ##

https://litnet.com/shrt/XDw4

— Генералы не разводятся, — цинично заявляет муж после того, как на его дне рождения произошел "скандал века". — Они просто заводят любовниц, когда жена перестает им быть интересна.

— То есть, ты предпочел иметь связь на стороне вместо того, чтобы сохранить свою честь?

— Моя честь вообще-то на месте! Я же ни в чем тебя не обделял, ни в чем не отказывал. Ни ты, ни мои дети ни в чем никогда не нуждались. А вот ты свою женскую честь не сохранила...

— Ты с ума сошел? Я тебе не изменяла.

— Еще бы ты мне изменяла, — хмыкает Игорь. — Нет, ты просто не проявила себя как полноценная женщина. Если хочешь кого-то винить в произошедшем, то вини себя. Это ты не смогла обуздать мой темперамент, из-за чего мне пришлось искать развлечение на стороне. Может, ты и вправду не достойна носить почетное звание жены генерала?

С последним утверждением мужа я согласилась, и наши пути разошлись. Прошло целых два года, за которые я смогла наладить все, в том числе, и свою личную жизнь, вот только и ее бывший попытался испортить.

— Твой бывший приходил, — заходит в мой кабинет Алексей, мой гражданский муж.

— Что? Зачем? — желудок сжимается от страха.

— Не притворяйся, что не знаешь, — хмыкает. — Ты поместила его новую пассию в расписание моих операций на ближайшее окно. Больше некому...

Дергаюсь и открываю рот, но Алексей не дает мне ни слова сказать.

— Скажи только одно: ты из-за него не соглашаешься стать моей женой? Твой Игорь был прав, когда говорил, что бывших жен генерала не существует? В общем так, — он ставит мне на стол коробочку кольцом. — Знаешь, я спасу любовницу твоего генерала. А это... — указывает подбородком на сверкающий на солнце бриллиант, — последнее решение за тобой...

ЗАГЛЯДЫВАЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ## https://litnet.com/shrt/TeKH

Глава 19

— Я уже отвечала на этот вопрос, — тяжело вздыхаю и прикрываю глаза, тру виски кончиками пальцев.

Я не ожидала, что меня так долго будут мучить. Вроде бы я жертва, а не какой-то преступник. Разве с жертвами обращаются, как с отпетыми уголовниками?

Но, видимо, обращаются. Еще как обращаются.

С того момента, как нас привезли в отделение, прошло уже несколько часов. Нас с Аней сразу же разделили — увели в разные допросные, даже не дали попрощаться.

Я оказалась в этом кабинете: маленьком, душном, с облупившейся краской на подоконнике и желтыми разводами на потолке. Стол, за которым сидит следователь, огромный, дубовый, но весь исцарапанный, с темными кругами от кофе и выжженными от сигарет следами. На столе педантично разложены папки — стопка слева, стопка справа, и одна, раскрытая, перед ним. Рядом с папкой диктофон — маленький, черный, с мигающей красной лампочкой. Мужчина передо мной все записывает. Каждое мое слово. Каждый мой всхлип.

Следователя зовут Виктор Павлович Крупнов. Ему лет пятьдесят, может, чуть больше. Волосы седые, коротко стриженные, лицо тяжелое, с глубокими морщинами у губ и на лбу. Глаза маленькие, колючие, смотрят исподлобья. Форма сидит на нем мешком, будто с чужого плеча, но погоны подполковника начищены до блеска.

Полковник Дорохов, который нас освободил, куда-то делся. Я бы очень хотела видеть сейчас его перед собой, но, похоже, не судьба. А человек, которого ко мне прислали, явно настроен не очень дружелюбно.

Я уже попросила адвоката. Мне сказали, что он едет. Вот только никто до сих пор не приехал. И у меня закрадываются смутные сомнения: что его никто не вызвал. Со мной хотят что-то сделать? В чем-то убедить? В том, что я оказалась виновата в произошедшем скандале? Ведь никакого захвата заложников не было, как и теракта, ради которого вызывали бригаду для освобождения и даже вертолеты. Зато общественный резонанс вышел ого-го-го, и теперь на кого-то хотят спихнуть вину.

Я, как мы договорилась с Аней, говорю только правду и ничего кроме правды. Но кажется, меня никто даже слушать не желает, ведь мне уже который раз задают одни и те же вопросы.

— Вы утверждаете, что муж вас запер в кабинете? — бубнит Крупнов, даже не глядя на меня, водя ручкой по бумаге.

— Да, утверждаю.

— А зачем, по-вашему, он это сделал?

— Я не знаю. Чтобы я не ушла. Чтобы потом решить, что со мной сделать. Чтобы не вмешивалась в их разговоры.

— В какие разговоры?

— С братом. Они обсуждали какие-то свои дела.

— А вы уверены, что вас именно заперли? Может, вы сами остались? Может, дверь была не заперта?

— Была заперта. Я стучала. Кричала. Никто не открыл. Да, и полковник Дорохов, когда прибыл, заставил ее отпереть. Ключом.

— А ваша подруга, Аня, она что делала?

— Ее Глеб связал. Лентой. Я видела.

— Связал? — Крупнов поднимает на меня глаза, и в них мелькает что-то похожее на сомнение. — В целях самообороны? Может, она на него нападала?

— Она защищалась!

Крупнов тяжело вздыхает, откладывает ручку, складывает пальцы домиком.

— Ангелина Павловна, — говорит он устало, — давайте еще раз. С самого начала. Где вы были утром?

Сжимаю кулаки под столом, чтобы не закричать. Это уже пятый, наверное, десятый круг. Они явно пытаются оправдать моего дорогого мужа. Следовательская солидарность, видимо, сработала. Мужчины прикрывают друг друга.

— Я была дома. Потом Марат привез меня в бизнес-центр.

— Зачем?

— Сказал, что нужно поговорить.

— О чем?

— О наших отношениях.

— А вы поругались?

— Да.

— Из-за чего?

— Он мне изменил.

Крупнов хмыкает, что-то помечая в бумагах.

— А вы уверены? Может, это недоразумение?

— Я видела фотографии.

— Фотографии можно подделать.

Внутри закипает злость. Меня уже мало волнует, изменяет мне муж или нет. Единственное, чего я хочу — чтобы меня отпустили. Домой. К детям. Просто оставили в покое.

Но следователь, видимо, решил вымотать меня окончательно.

— Хорошо, — он откидывается на спинку стула, и тот предательски скрипит. — Тогда объясните мне, Ангелина Сергеевна, вот что. Вы написали на окне «Мы в заложниках». Вы привлекли внимание журналистов. Из-за вас подняли целую операцию с вертолетом и спецназом. Вы понимаете, что за ложный вызов предусмотрена ответственность?

— Это был не ложный вызов, — выдыхаю я, чувствуя, как голос начинает дрожать.

— Не ложный? — Крупнов прищуривается. — А какой же? Вы сами сказали, что муж вас не бил, не угрожал оружием, не требовал выкупа. Он просто закрыл дверь. Это, знаете ли, не захват заложников. Статья двести шесть уголовного кодекса — захват заложника — тут явно не светит. А вот вам за заведомо ложное сообщение об акте терроризма — статья двести семь уголовного кодекса, часть третья, — до шести лет лишения свободы. Представляете?

До шести лет.

У меня темнеет в глазах.

— Но я... я не лгала... — шепчу я. — Я чувствовала себя заложницей.

— Чувствовали? — усмехается Крупнов. — Чувства — это не доказательства. Вы нанесли ущерб репутации мужа, его брата, подняли шум на всю страну. А теперь еще и отказываетесь признавать, что погорячились.

Хочу расплакаться. Слезы уже жгут глаза, подступают к горлу. Но я не даю себе этого сделать. Потому что мне жутко надоело. Надоело, что мужчины управляют моей жизнью. Сначала Марат, теперь этот следователь. Все решают за меня, все указывают, что мне делать, что чувствовать, что говорить.

— Чего вы хотите? — выкрикиваю я, вскакивая со стула. — Чего вы от меня добиваетесь? Чтобы я признала, что это был ложный вызов? Что наши мужья ничего не делали?

Крупнов медленно поднимается, опирается руками о стол, нависая надо мной.

— Да, — говорит он жестко. — Именно этого я и хочу. Чтобы вы прекратили клеветать на ни в чем не повинных мужчин. Вы понимаете, какой урон нанесли их репутации? Прокурору города! Адвокату!

— О, конечно, — усмехаюсь я, в голосе звенит горечь. — Мужская солидарность. Я понимаю. Своих не сдаем, да?

— Ангелина Сергеевна, не нагнетайте, — предупреждает Крупнов.

— Нет, это вы не нагнетайте! — злость придает мне сил. — Я не признаюсь! Я рассказала все, что могла! Что планировал со мной сделать мой муж, понятия не имею! Но точно ничего хорошего! Поэтому да, я считаю, что нас держали в заложниках!

Крупнов криво ухмыляется. Встает во весь рост, поправляет китель, и в его глазах появляется что-то хищное.

— Ну, — тянет он, — тогда вы сами во всем виноваты.

— В чем же?

Он тянется к стационарному телефону, стоящему на краю стола, поднимает трубку и нажимает кнопку.

— Приведите ко мне Архипова, — говорит он в трубку. — Да, который прокурор. У нас будет очная ставка.

***

Девочки, девочки, девочки!

На моем втором аккаунте *НОВИНКА***!**#

##НЕСЛУЧАЙНАЯ ИЗМЕНА ##

https://litnet.com/shrt/E2WJ

Отпусти меня, Игорь! Хочешь развлекаться с другими бабами, твое дело! Но не надо меня втя-

гивать в свои грязные игры, — произношу я максимально спокойно, стараясь ничем не выдать разрывающей душу боли, которая пронзает каждую клеточку моего телу.

— Какая же ты все-таки ханжа, — обреченно вздыхает муж. — Когда я брал тебя в жены, думал, что ты всему научишься. Но ты так и осталось той же зажатой малышкой.

— Почему тогда ты не развелся со мной? Раз я недостаточно хороша для тебя?

— А должен был? — Игорь выгибает бровь. — Я честный человек, если уж женился на тебе, то буду нести этот крест до конца. Жаль, конечно, что ты оказалась плохо обучаема. Хотя… — он разворачивается к любовнице и протягивает ей руку. — Карин, покажем моей жене мастер-класс?

##КНИГА ЖИВЕТ ТУТ ##
https://litnet.com/shrt/E2WJ

Глава 20

Дверь открывается, и время вокруг меня словно застывает.

Марат входит в кабинет неторопливо, даже вальяжно. На нем все та же прокурорская форма, которую он еще надел этим утром, — идеально сидящий китель с блестящими пуговицами, погоны, начищенные до зеркального блеска, строгий галстук. Ни одной морщинки, ни одного пятнышка на одежде мужа нет. Волосы Марата аккуратно зачесаны назад, на лице — ни тени сомнения или беспокойства. Он выглядит так, будто зашел не на очную ставку с собственной женой, а на рядовое совещание в своем кабинете. И вообще, разве его не допрашивали все это время, как меня? Слишком уж «свеженьким» муж выглядит. В то время, как меня можно сравнить с потрепанной куклой.

У меня внутри все сжимается в тугой болезненный узел. Этот человек в форме, который сейчас смотрит на меня с ледяным спокойствием, еще сегодня утром был моим мужем. Отцом моих детей. Тот, кого я любила больше жизни. А сейчас... сейчас я вижу в нем только врага. Холодного, расчетливого, уверенного в своей безнаказанности.

— Присаживайтесь, Марат Юрьевич, — Крупнов указывает на стул рядом со мной.

Муж садится. Медленно, плавно, поправляя манжеты рубашки, выглядывающие из-под рукавов кителя. И смотрит на меня.

Этот взгляд… от него меня тут же передергивает, и я пытаюсь отодвинуться как можно дальше от мужа — сажусь на самый краешек своего стула. В глазах мужа нет злости, которую я видела утром. Нет ярости, с которой он сжимал мои плечи. Нет даже превосходства, которое сквозило в каждом его жесте, когда мы ехали в бизнес-центр.

В взгляде Марата плещется только спокойствие. Абсолютное, ледяное спокойствие человека, который знает, что победит. И от этого мне становится страшнее, чем от любых угроз. Пальцы невольно сжимаются в кулаки под столом, ногти впиваются в ладони. Боль помогает не разреветься прямо сейчас.

— Ангелина Павловна, — Крупнов садится на свое место, поправляет стопку бумаг, включает диктофон. Красный огонек загорается, и меня передергивает — этот маленький прибор записывает каждое мое слово, каждый всхлип, каждое проявление слабости. — Мы собрались здесь, чтобы прояснить некоторые детали произошедшего. Вы подтверждаете свои показания?

— Подтверждаю, — мой голос звучит тихо, но я стараюсь, чтобы он был твердым. Хотя внутри все дрожит.

— Марат Юрьевич, вы слышите? Ваша супруга утверждает, что вы удерживали ее в кабинете против воли.

— Слышу, — муж пожимает плечом, а на его губах появляется легкая усмешка, от которой у меня холодеет внутри. — Только это неправда.

Вскидываю голову, смотрю на Марата в упор. Как он может так спокойно лгать? Прямо здесь, перед следователем, глядя мне в глаза?

— Я заехал в офис к брату по делам, — продолжает Марат все тем же ровным, спокойным тоном. Он даже жестикулирует размеренно, уверенно, как на заседании. — Геля была со мной. Мы немного поругались с утра — семейные дела, знаете ли. Она разгорячилась, впрочем как и жена моего брата. Вот мы с Глебом и решили дать женщинам время остыть. Вышли поговорить о насущном. А на женщин, видимо, напала всеобщая истерия, и они восприняли наше отсутствие... ну, не знаю. Как заточение.

— Это ложь! — из меня вырывается крик, и я даже подаюсь вперед, ударяясь грудью о край стола. — Ты запер меня! Ты сказал, что я никуда не уйду!

— Я сказал, что мы поговорим, когда ты успокоишься, — поправляет Марат, при этом в его голосе звучит снисходительность, от которой у меня внутри все переворачивается. Он говорит со мной как с несмышленым ребенком, устроившим истерику. — Это разные вещи.

Муж даже бровью не ведет. Сидит ровно, как статуя, только пальцами чуть постукивает по подлокотнику стула. Я отлично знаю этот жест — Марат всегда так делает, когда чувствует себя абсолютно уверенно.

— А Настя? А Леша? — я сжимаю кулаки так сильно, что ногти, кажется, протыкают кожу. — Ты при детях... ты при дочери...

— При детях я вел себя как отец, который пытается сохранить семью, — перебивает муж, и в его голосе впервые проскальзывает что-то похожее на раздражение. — А ты, Геля, устроила истерику. Напугала дочь. Заставила сына кидаться на меня с кулаками.

Крупнов что-то записывает, кивая. Ручка скрипит по бумаге, и этот звук режет слух. Я перевожу взгляд на следователя — он даже не смотрит на меня, полностью сосредоточен на своих записях. На записях, которые меня утопят.

— Ангелина Сергеевна, у вас есть доказательства, что муж вас запирал? — уточняет Крупнов.

— Я... — запинаюсь, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Аня видела. Она была там.

— Аня — ваша подруга, — замечает Крупнов, наконец поднимая на меня глаза. В них светится лишь один лед. — Заинтересованное лицо. К тому же, она сама сейчас дает показания. И, знаете, ее версия несколько отличается от вашей.

— Что? — я смотрю на него непонимающе, сердце пропускает удар. — Как отличается?

— Она утверждает, что муж связал ее, — Крупнов зачитывает из своих бумаг, водя пальцем по строчкам.

— Так я вам об этом говорила! — вспыхиваю.

Но следователь меня не слушает, как ни в чем не бывало продолжает гнуть свою линию:

— Только мы склонны рассматривать это как... хм, игрища. Семейные, знаете ли. С элементами ролевых игр. У многих пар бывает.

Глава 21

— Какие игрища? — кровь отливает от лица. В ушах начинает шуметь. — Вы с ума сошли? Аня плакала! Кричала! Я своими глазами видела, что Глеб ее связал! Красной лентой! Она была в одном белье!

— Женщины часто плачут, когда их фантазии заходят слишком далеко, — философски замечает Крупнов, при этом его губы кривятся в усмешке. — Но это не значит, что их насильно удерживали. Тем более, по словам Глеба Юрьевича, дверь в кабинет никогда не запиралась. Секретарша подтвердила — ключи есть только у хозяина кабинета, и они все время были при нем. А в кабинет можно было войти свободно.

— Но нас заперли снаружи! — выкрикиваю я, и голос срывается на хрип. Вскакиваю со стула, опираясь дрожащими руками о стол. — Я слышала, как повернулся ключ! Я стучала! Я кричала! Ваша секретарша слышала! Почему вы ее не спросите?

— Спросили, — Крупнов даже не повышает голоса. — Она сказала, что слышала какие-то звуки, но не придала им значения. Мало ли что бывает в кабинете начальства.

— Вам показалось, — пожимает плечами Марат. Он все так же сидит, расслабленно откинувшись на спинку стула, и смотрит на меня с этим ужасающим спокойствием. — Дверь просто захлопнулась. Такое бывает.

— Не бывает! — бью кулаком по столу. Крупнов недовольно морщится. — Не бывает, чтобы дверь захлопнулась и меня не слышали полчаса! Не бывает, чтобы муж связывал жену для игрищ, а потом запирал ее с чужой женой! Да и вообще, спросите у полковника Дорохова! Он же заставил охрану отпереть дверь ключом!

— Ангелина Сергеевна, — Крупнов повышает голос, теперь в нем звучат стальные нотки. — Успокойтесь немедленно. Сядьте. Криками вы себе не поможете.

Смотрю на него, на Марата, и чувствую, как слезы подступают к глазам. Нет, не слезы — рыдания, готовые вырваться наружу. Но я не дам им воли. Не здесь. Не перед этими двумя мужчинами, если их можно так назвать, которые пытаются меня сломать. Медленно опускаюсь на стул, впиваясь ногтями в ладони до боли, до крови, чтобы хоть как-то удержать себя в руках.

Смотрю на Марата, ищу в его лице хоть что-то человеческое. Тень сомнения, проблеск вины, хоть что-то. Но там только спокойствие. Абсолютное, пугающее спокойствие человека, который знает, что победил. Китель сидит на нем идеально, погоны поблескивают в свете лампы… этот блеск режет глаза.

— Продолжим, — Крупнов перелистывает страницу. Скрип бумаги, шелест и… очередной удар. — По поводу окон. Вы утверждаете, что написали «Помогите, мы в заложниках», потому что боялись за свою жизнь. Марат Юрьевич, вы можете объяснить, чем ваша жена могла быть напугана настолько, чтобы пойти на такой шаг?

— Понятия не имею, — муж разводит руками. Жест, уверенный, чуть насмешливый. — Возможно, насмотрелась сериалов. Или просто хотела привлечь внимание. Геля всегда была... эмоциональной.

— Я не эмоциональная! — вырывается из меня отчаянный крик. — Ты мне изменял! Ты привел меня в этот кабинет, чтобы запугать! Ты...

— Когда это я вас запугивал, Ангелина Сергеевна? — перебивает Крупнов. — Конкретно. Угрожал расправой? Физической силой?

— Он... он держал меня за шею, — вспоминаю я, игнорируя «обидку», которую в меня бросил следователь. — Дома. Сжимал так, что синяки остались. Вот, смотрите!

Закатываю рукав водолазки, демонстрируя багровые следы на запястье. Крупнов даже не наклоняется, чтобы рассмотреть. Только мельком бросает взгляд и снова утыкается в бумаги.

— Что произошло дома? — Крупнов смотрит на Марата.

— Она истерила, — спокойно отвечает тот, поправляя галстук. — Я пытался ее успокоить. Мог случайно коснуться, да. Но не держал. Синяки? — он пожимает плечом. — Может, ударилась обо что-то. Не знаю. Это уже просто смешно. Дома мы просто разговаривали.

— Разговаривали? — я не верю своим ушам. Вскакиваю снова, не в силах сидеть на месте. — Ты рвался в ванную, ты кричал на меня, ты выломал бы дверь, если бы я не открыла! Ты при детях, при Насте...

— Ангелина Сергеевна, — Крупнов поднимает руку, останавливая меня властно, не терпящим возражений. — Давайте по фактам. Фактов удержания против воли нет. Фактов угроз нет. Есть семейная ссора, которую вы, простите, раздули до масштабов национального скандала.

Открываю рот и закрываю. Смотрю на Марата, который сидит рядом с непроницаемым лицом, и понимаю: они все продумали. Каждое слово. Каждый шаг. Они знали, что никто не поверит двум истеричкам против прокурора и адвоката. Особенно когда прокурор сидит здесь в этой безупречной форме, с этими безупречными погонами, с этим безупречным спокойствием.

Руки дрожат. Прячу их за спину, сжимаю в кулаки, но дрожь не унимается. Она поднимается выше, по рукам, к плечам, к горлу. Меня трясет, как в лихорадке.

— Я хочу, чтобы это зафиксировали, — говорю тихо, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мой муж мне изменял. Я видела фотографии.

— Фотографии, — Крупнов кивает, делает пометку в бумагах. — Да, кстати о них. Марат Юрьевич, что вы можете сказать?

— Фотографии подделаны, — отчеканивает муж, уводя последний козырь у меня из-под носа, при этом нагло врет.

***

Девочки, девочки, девочки!

А у меня еще одна *НОВИНКА*

##ПРЕДАТЕЛЬ. ТЫ МЕНЯ (НЕ) ЗАМЕНИШЬ ## https://litnet.com/shrt/lI9F

— Я тебя больше не хочу, — муж пожимает плечами.

— А свою бывшую, значит, хочешь? — кошусь на телефон, лежащий рядом со мной на подоконнике. Словно наяву "вижу" видео с камер видеонаблюдения лифта одного из известных отелей нашего города, присланное лучшей подругой.

От воспоминания о том, как Слава страстно впивался в губы знакомой нам обоим блондинки, меня начинает мутить.

— Ну что сказать. Она изменилась, стала шикарной. Как будто другой человек. Возраст ей к лицу.

— А мне, значит, не к лицу? — хмыкаю, впиваясь ногтями в ладони.

— Тебе? — тяжело вздыхает муж. — Ты стала… слишком обычной. Приелась, что ли. А мне хочется чего-то нового, даже если это хорошо забытое старое.

##ЗАГЛЯДЫВАЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ## https://litnet.com/shrt/lI9F

Глава 22

Марат даже не смотрит на меня — разглядывает свои ногти, поправляет манжету, — и продолжает врать:

— Кто-то решил разрушить нашу семью. Возможно, конкуренты Глеба. Да и у меня много врагов по работе. Мы с братом сейчас составляем список тех, кто захотел бы так жестоко… пошутить.

Пошутить? Вот же козел!

— Подделка? Пошутить? — я смотрю на мужа с ужасом. — Ты же сам признал с утра, что у вас с братом… эм… роман с одной и той же женщиной! Ты сказал, что вы с Глебом...

— Я сказал, что мы с братом близки, — перебивает Марат, в его голосе впервые проскальзывает лед. — И что нам всегда нравились похожие женщины. Это правда. Но из этого не следует, что я тебе изменял. Ты сама додумала, Геля. Сама.

Марат смотрит на меня в упор, и в его взгляде светится сталь. Ни тени сомнения. Ни капли вины.

Я смотрю на него и чувствую, как земля уходит из-под ног. Он переигрывает меня. Он переигрывает нас всех. Муж меня откровенно газлайтит. Каждое слово, сказанное им утром, сейчас обратилось против меня. Хватаюсь за край стола, потому что кажется, что если отпущу — упаду.

— Ангелина Сергеевна, — Крупнов вздыхает, откладывает ручку, складывает руки на столе. — Я вынужден констатировать: ваши показания не находят подтверждения. У меня достаточно оснований полагать, что вы сознательно или под влиянием эмоций исказили факты. Что привело к вызову спецподразделения, вертолета, эвакуации людей из здания...

— Я не искажала, — шепчу, но голос звучит жалко, неубедительно. Даже для меня самой.

— Эвакуировали пол-бизнес-центра, — продолжает Крупнов жестко, без тени жалости или колебания в голосе. — Подняли по тревоге сотни человек. Задействовали средства, которые могли понадобиться в другом месте. Ущерб — репутационный и материальный — огромный. Вы понимаете, что вам грозит?

Я молчу. Смотрю в одну точку на стене. Там, над головой Крупнова, висит портрет президента. Он смотрит на меня строго, осуждающе. Как будто и он против меня.

— Не могли бы вы оставить нас вдвоем? — вдруг спрашивает Марат, мгновенно вырывая меня из ступора.

— Нет! — перевожу широко распахнутые глаза на следователя, и вижу, что он даже на мгновение не сомневается в своем следующем шаге.

— Я вынужден на время покинуть кабинет, — Крупнов поднимается, поправляет китель. — Нужно согласовать некоторые детали с руководством. Вы пока посидите. Подумайте.

Он выходит. Дверь за ним закрывается с мягким, но неумолимым щелчком.

Мы остаемся вдвоем.

Я и Марат.

Несколько секунд муж просто сидит, смотрит на меня. Потом медленно поднимается. Форма сидит на нем идеально, каждый шов, каждая пуговица на месте. Он приходит в движение, и я слышу стук его каблуков по кафельному полу. Мерный, тяжелый, неумолимый. Как отсчет времени до казни.

Останавливается рядом.

Не поднимаю головы, но чувствую его присутствие каждой клеточкой. Запах одеколона мужа — тот самый, который я когда-то любила, с нотками мускуса и табака. Сейчас от него мутит.

— Ну что, Геля, — голос Марата звучит мягко, почти ласково. Слишком ласково для человека, который только что уничтожил меня на глазах у следователя. — Доигралась?

Молчу. Смотрю в пол. На его начищенные до блеска туфли.

Марат не торопится продолжать говорить. Прислонился к столу бедром, медленно, вальяжно, скрещивает руки на груди. Смотрит на меня сверху вниз, снисходительно, как на провинившегося ребенка, которого сейчас будут наказывать. Идеальный, спокойный, уверенный в своей безнаказанности. Хозяин положения. Победитель.

— Ложный вызов, — произносит он задумчиво, будто размышляет вслух. — Статья двести седьмая, часть третья. До шести лет, если я правильно помню. А с учетом того, что ты подняла на уши всю область, наверняка дадут по максимуму.

Вскидываю голову, встречаю насмешливый, полный превосходства взгляд мужа. Внутри все кипит, смесь страха, ненависти и отчаяния. Но где-то глубоко, на самом дне, теплится что-то еще. Упрямство. Гордость. То, что не дает мне сломаться прямо сейчас.

— Я не сдамся, — говорю тихо, но твердо. Голос не дрожит. Чудо.

Марат усмехается. Криво. Холодно.

— Не сдашься? — переспрашивает. — Ну что ж... Посмотрим, как долго ты продержишься в схватке против меня и всего МВД, — делает паузу. Длинную, тягучую, во время которой я чувствую, как стены кабинета давят на меня, сжимаются, не оставляя воздуха. В висках стучит кровь, ладони мокрые от пота, но я не отвожу взгляда. — А пока, — продолжает муж все тем же спокойным, почти ласковым тоном, — давай поговорим. О том, как нам быть дальше. Потому что вариантов у тебя, дорогая жена, немного. Вернее, всего два, — он чуть наклоняет голову, разглядывая меня, как диковинную зверушку в клетке. И я вижу в его глазах холодный, расчетливый ум. Он просчитал все. Каждый мой шаг. Каждое слово. Каждую эмоцию. Сжимаю кулаки, впиваюсь ногтями в ладони до крови. Не сдамся. Не сдамся. Не сдамся.

— Ты либо признаешь, что «погорячилась», и я пользуюсь всеми своими связями, чтобы избавить тебя от последствий необдуманного поступка. При этом ты, конечно, остаешься моей женой и засунешь свою гордость, свой острый язычок сама понимаешь, куда… — Марат чуть склоняет голову набок, глядя на меня с этим ужасающим равнодушием, а на его губах играет легкая, снисходительная улыбка. — Либо… садишься в тюрьму?

Глава 23

Полтора года спустя

— Ангелина, — кто-то окликает меня в магазине.

Я невольно оглядываюсь через плечо и тут же жалею об этом, когда вижу свою бывшую коллегу, которая вольяжно идет ко мне.

Нина Васильевна — женщина строгих нравов, при этом старается выглядеть намного моложе своих лет. Волосы выкрашены в рыжевато-каштановый цвет и уложены в тугую химическую завивку — такую, что волосок к волоску прижимается и не видно ни одного непослушного локона. На лице у женщины плотный слой тонального крема, поверх которого нанесены розовые румяна, а губы подведены ярко-алым карандашом. Очки в тонкой золотистой оправе сидят на длинном носу Нины Васильевны, как влитые, придавая ей вид наседки, которая высматривает провинившихся цыплят. Одета женщина в строгий брючный костюм болотного цвета, блузка застегнута на все пуговицы, у горла — брошь в виде какой-то советской символики.

В школе, в которой я раньше работала, она трудилась завучем. И вместо того чтобы разбираться с учениками, которые хулиганили в школе, придиралась к учителям… только к женщинам, конечно. То юбка слишком короткая, то цвет блузки слишком яркий, то кого-то заметили в «Красном и Белом», то на личной странице учительницы появилась фотография в купальнике с отдыха. И эта мегера была тут как тут, чтобы прочитать нотацию. Я все могу понять, но трогать учить учителей и приказывать, чт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.